

Кукла госпожи Барк

Автор:

Хаджи-Мурат Мугуев

Кукла госпожи Барк

Хаджи-Мурат Магомедович Мугуев

Сделано в СССР. Любимый детектив

Повесть известного советского поэта, писателя, драматурга и публициста Хаджи-Мурата Магомедовича Мугуева (1893–1968) «Кукла госпожи Барк» рассказывает о деятельности советских разведчиков на территории Ирана во время Великой Отечественной войны. Опасные приключения главного действующего лица полковника Дигорского начинаются с поиска привидений в старинном особняке...

Хаджи-Мурат Мугуев

Кукла госпожи Барк

Часть первая

– Привидения существуют, – сказал маленький человек, робко тронув меня за локоть. – Это факт. Они появляются ровно в одиннадцать часов ночи, а в полночь исчезают...

Я улыбнулся.

– Честное слово... Уверяю вас, я не шучу. Ровно в одиннадцать они появляются так же аккуратно, как и дневальные у ваших ворот. Я понимаю, что вы не верите мне, в наше время – и такая чертовщина, но тем не менее это факт.

Я внимательно глянул ему в глаза, но маленький человечек виновато улыбнулся и тихо сказал:

– Я здоров... совершенно здоров, хотя мне понятно ваше недоверие. И я на вашем месте подумал бы, что это говорит неостроумный шутник...

Он помолчал и потом еще тише сказал:

– И все же привидения существуют, и сегодня они снова не дадут нам спать.

– Кому нам? – спросил я.

– Мне, моей соседке Елизавете Львовне, инженеру Градусову с женой и вообще всей квартире. Мы обратились за помощью в комендатуру, но там только посмеялись над нами...

Я с интересом посмотрел на него. Небольшого роста человек, с неловкими угловатыми манерами, робким взглядом и застенчивой улыбкой был немного смешон, хотя его грустные глаза привлекали к себе теплым огнем. Лицо его было не совсем обычным. Большой лоб и квадратный подбородок говорили об уме и характере незнакомца, но, взглянув в его наивные и несколько удивленные глаза, вы ни за что не предположили бы, что у этого человека есть воля. Неширокий, но заметный шрам, шедший от левого уха к виску, был тщательно прикрыт зачесанными набок волосами.

– Но согласитесь, что все-таки странно в наши дни слушать детские рассказы о привидениях, да еще в городе, только три недели назад освобожденном от врага...

– И все-таки это так, и самое странное то, что привидения появились всего лишь десять дней назад...

Я насторожился. Это могло быть интересным.

– А как же ведут себя эти... духи! – деланно равнодушным тоном спросил я. – Что, они появляются в белых саванах, с обнаженными черепами и тихо стонут, пугая живых, – как поступают в страшных рассказах классические привидения?

– Нет, наоборот. Они не пугают, они сами пугаются нас... и не стонут, а просто возятся в стенах нашего дома, иногда выходя из них, прямо в коридор... И вид у них не мертвецов, а скорее живых людей, хотя они бесплотны, не смейтесь, да, да, бесплотны. Я и Градусов однажды, еще в самом начале их появления, бросились на них с палками, но палки рассекли воздух, а сами тени прошли мимо нас и вошли в противоположную стену...

– Скажите, а не были ли вы и ваш Градусов под градусом? – довольно неудачно сострил я.

Маленький человечек покачал головой.

– Но что же им надо в вашем доме? Что это, старый графский замок или фамильный склеп средневековых баронов?

– Нет, обыкновенный жакт, – сказал мой собеседник.

– Это возятся крысы.

– Нет, привидения... я сам видел их... уже несколько раз, – упрямо повторил он. – И они возятся в стене от десяти до двенадцати часов. Как только звучит последний удар кремлевских часов, они умолкают.

– Как в старинных романах, – рассмеялся я.

Мой собеседник молчал.

– Нельзя ли мне провести у вас в квартире ночь, чтобы самому познакомиться с этими удивительными посланцами нездешнего мира?

– Отчего же нет? Пожалуйста, хоть сегодня, – охотно согласился он. – Приходите, но только помните, что ровно в двенадцать они исчезают.

– Хорошо, буду. Я человек военный, точный и буду, – глядя на часы, сказал я, – ровно в двадцать три часа сорок пять минут.

– Будем ждать, – ответил маленький человечек.

– Что это у вас за шрам? – спросил я. – Результат бомбежек или оккупации немцев?

– Нет, что вы! – замахал руками мой посетитель. – Я человек штатский, боязливый... Все бомбежки в страхе просидел в подвале... Это – старое... Еще гимназистом, катаясь в Вологде на льду, я расшиб себе лоб. А разве шрам очень уж заметен? Я стараюсь прикрыть его волосами.

– Зачем же, он придает вам такой воинственный вид, – пошутил я. – Итак, до ночи!

И мы разошлись по своим делам.

Днем я, смеясь, рассказал генералу о посещении меня человечком, делегированным от коллектива жильцов, которые жалуются на привидения, мешающие им спать.

Генерал слушал мой рассказ все внимательнее, и, когда я закончил, он, немного помолчав, сказал:

– Это интересно и... довольно подозрительно. Тут, конечно, что-то есть, чем следует заняться... Не знаете ли, занимали этот дом ранее немцы? Не было ли в нем какого-нибудь немецкого учреждения?

– Нет, не спрашивал.

– Упущение. Ведь подобный вопрос сам напрашивался на язык, – сказал генерал. – Дело в том, что только сегодня я тоже получил коллективное заявление жильцов дома номер сорок семь по Большой Спасской улице о том, что в соседнем с ними доме до бегства немцев находилось общежитие чинов СС и что там по ночам происходит какая-то возня... Не зная к кому обратиться,

коллектив жильцов делегировал к вам гражданина Косоурова и, на всякий случай, обратился ко мне. Странное, необычное и вместе с тем подозрительное дело, – сказал генерал.

Он подумал, прочел еще раз заявление коллектива жильцов дома № 47 по Большой Спасской улице и сказал:

– Вечером, после совещания, заедем сами, но не к моменту появления духов, а несколько позднее. Возможна любая провокация.

Генерал был лет на восемь старше меня. Культурный, хорошо воспитанный человек с большой эрудицией и спокойным характером, он очень нравился мне, и хотя иногда наши взгляды расходились, я чувствовал, что он ценил и уважал меня. Я думаю, что наша взаимная симпатия объяснялась еще и тем, что мы оба были слушателями одного факультета академии, с той лишь разницей, что генерал окончил его значительно раньше меня. Несмотря на свои сорок лет, генерал выглядел очень свежо и молодо. Иногда, «чтобы не разучиться», – как говаривал он, мы беседовали с ним на персидском языке, перескакивая на турецкий и вновь возвращаясь к иранскому языку. Его вышедший перед войной труд «Ближний Восток и соседи СССР» привлек внимание читающей публики не только в нашей стране, но заинтересовал и ориенталистов Англии, Америки и Германии.

Сын рабочего, до семнадцати лет стоявший у токарного станка, он отлично владел двумя восточными языками, говорил по-английски.

Я знал, что великой мечтой генерала было сейчас же, как только окончится война, вернуться к своему любимому делу, защитить диссертацию на степень доктора исторических наук, которой он и сейчас, несмотря на занятость, уделял свой досуг.

В первом часу ночи мы с генералом поехали к «дому с привидениями», как назвал генерал обиталище перепуганных жильцов особняка.

Наша машина завернула за угол темного, неосвещенного переулка. Вот и он, этот романтический дом с привидениями.

– Стой! – раздался негромкий, но твердый оклик. Из ворот шагнули двое красноармейцев.

Шофер включил свет, меняя фиолетовый на яркий, и тут, при свете вспыхнувших фар, я увидел у ворот особняка трех солдат, а в глубине двора еще несколько фигур.

– Комендантский патруль. Ваши документы, – подняв руку к ушанке, сказал подошедший офицер.

– А... лейтенант Бабочкин? – вместо ответа сказал генерал, и лейтенант, узнав его по голосу, быстро сказал:

– Это вы, товарищ генерал? Вот хорошо, а мы уже посылали за полковником, – и, нагибаясь, шепнул: – Убийство тут произошло и взрыв.

– Какое убийство? – отбрасывая дверцу автомобиля, спросил я.

– Пока неизвестно. Там майор Устинов с сотрудниками.

Мы поспешно вышли из машины и пошли за лейтенантом, освещавшим фонарем дорогу.

Это был старый особняк купеческо-дворянской постройки, со львами, с низкими, широкими каменными ступенями и тремя колоннами у входа. Из низкого сводчатого коридора тянуло запахом дыма, гарным теплом взрыва и еще плававшей в воздухе пылью неосевшей извести.

– Товарищ генерал, – сказал человек, присевший на корточки у самых дверей, исковерканных могучим ударом взрывчатки. Это был майор Устинов, один из самых дельных и знающих работников отдела. – Подождите здесь, там еще не все проверено, а судя вот по этой проводке, впереди могут быть некоторые сюрпризы. Ну что, Михалыч, обнаружил что-нибудь? – крикнул он куда-то в глубь

следующей комнаты.

– Так точно, товарищ майор, конец шнура и машинку взрывную... сейчас обезврежу, тогда проходите сюда, – глухо донеслось до нас из соседней комнаты.

– Видите, – поднимаясь на ноги, сказал Устинов. – Тут, кажется, весь дом заминирован, что ни комната, то мина... – он не договорил. Грохот раздался в соседней комнате, затем блеснул огонь, часть стены покачнулась, и непреодолимая сила швырнула меня в сторону.

Когда я очнулся, возле меня стояли генерал, солдаты и врач с узкими медицинскими погонами майора. Над головой темнело небо, и яркие, сияющие звезды казались такими близкими, что их можно было достать рукой. Мой затылок ныл, плечо, словно налитое тяжестью, тянуло книзу.

– Ну, как, легче вам, товарищ полковник? – ласково спросил военврач, и его мягкие, но сильные пальцы быстро и успокаивающе погладили мою голову. – Маленький обморок от удара о стенку, – сказал он.

– А где Устинов? – спросил я.

– Здесь. Он тоже контужен и находится без сознания, – ответил кто-то из стоявших возле.

Я не без труда поднялся и, придерживаясь рукою за колонну, сел на одной из ступенек особняка.

Внутри бушевало пламя, и дымные языки огня, вырываясь наружу, облизывали стены. Весь двор был озарен неровным, колеблющимся светом. Становилось жарко, и дым мешал дышать.

– Сойдите вниз, товарищ полковник, – поддерживая меня за талию, сказал лейтенант, и мы сошли во двор.

У самых ворот я оглянулся и увидел, как в водовороте огня и дыма догорал мой «дом с привидениями».

Генерал довез меня до квартиры. Он молчал все это время, но я видел, что моя контузия и мысль, что кто-то хотел одурачить нас, взволновали его.

Утром я был еще так слаб, что еле смог позвонить генералу. Он участливо сказал:

– Лежи, голубчик, отдыхай, набирайся сил. Эти два-три дня обойдемся без тебя. Обо мне не беспокойся. Ведь в момент взрыва я был во дворе.

«Два-три дня... значит, мои ушибы так серьезны, что придется пролежать в постели три дня...»

В первый раз за нашу двухлетнюю совместную службу генерал дружески сказал мне «ты». В этом обращении я еще острее почувствовал заботу и участие к себе моего начальника.

В полдень меня навестил военврач. Это была невысокая, чуть полная женщина, лет тридцати двух, с ясными карими глазами и уверенными движениями.

– Лежите, лежите, товарищ полковник... вам это не повредит, а мне поможет. – И она привычными движениями стала осматривать меня, щупая пульс, выслушивая сердце и постукивая молоточком по груди и спине.

– В общем, все благополучно. Если бы удар пришелся на сантиметр-другой выше, было бы хуже, – произнесла она.

– А вы какой же части, доктор? Я что-то не встречал вас раньше, – поинтересовался я.

– Вашего же управления, только я всего второй день здесь, на место уехавшего Суренкова.

– А-а... значит, вы и есть Анна Андреевна Краснова?

– Да, у вас хорошая память.

– А как же. Ведь я сам подписывал приказ о вашем зачислении.

– Вот и познакомились, – улыбнулась она.

– Да, при особых обстоятельствах, – задумчиво сказал я, и мы оба замолчали.

– А как Устинов? – вдруг вспомнил я.

Женщина отвернулась к окну и, что-то разглядывая на улице, сказала:

– Состояние тяжелое, но думаю, что все обойдется благополучно. Итак, покой, сон и поменьше движений. Вечером я зайду. – Но тут же засмеялась, останавливаясь возле меня. – Старею, – продолжая улыбаться, сказала она. – Стала забывать самые обычные вещи... – И, раскрыв чемоданчик, сказала: – Нужно сделать впрыскивание... инъекцию... у вас довольно слабое сердце, и хорошая доза камфоры не повредит.

Как это ни странно, но я, взрослый, военный человек, просто боюсь зубной боли и разных врачебных манипуляций, связанных со шприцем, скальпелем или бормашиной.

– Ой, нет, доктор, увольте. Я без содрогания не могу и слышать об уколах.

– Но ведь это необходимо.

– Как-нибудь после, не сейчас, – решительно произнес я.

Женщина помедлила, подумала и сказала:

– В таком случае перед обедом примите дигиталис, вот этот порошок, хорошо действует на сердце и дает покой. – И она, тепло улыбнувшись, ушла.

Покой в те минуты, когда преступление, совершенное кем-то, требовало быстрого расследования и каждая своевременно замеченная и подчеркнутая следствием деталь вела к раскрытию этого таинственного дела. Конечно,

соответствующие органы уже начали следствие, и оно, может быть, уже на правильном пути, но ведь я, один из непосредственных участников этого дела, знал больше, чем те, кого могли опросить на следствии. Кто такой этот маленький симпатичный человек, пригласивший меня в дом на «сеанс духовидения»? Что это были за духи и кто такие инженер Градусов и другие обитатели особняка? Немцы, несколько дней назад выбитые отсюда? Да вообще – существует ли на самом деле в этом городе этот маленький человек, его семья, Градусов и прочие жильцы или нас ловко одурачили и заманили на глупую, но не лишенную оригинальности затею, чтобы одним ударом покончить с генералом и со мной?

Во всех этих вопросах ближе всех к истине мог быть один я. Ведь меня посетил этот человечек и мне он жаловался на шум и на чертовщину, вылезавшую из стены. Это я, предположив недоброе, заинтересовался этой историей и в тот же день рассказал ее генералу. И мне сейчас нужен покой... в часы, когда без сознания лежит майор Устинов, когда каждая секунда дорога для следствия.

Я подошел к телефону. Хотя голова еще была тяжела, но чувствовал себя я значительно лучше.

«Ох, уж эти доктора... Лежи, отдыхай, принимай порошки», – подумал я, глядя на рецепты и порошок, оставленные врачом на столе. Сев за стол, уже в привычной для меня обстановке, я почувствовал себя совсем хорошо.

– Товарищ генерал. Звоню вот по какому делу... Нельзя ли ознакомиться со следствием по поводу взрыва этого проклятого дома, а также прислать и следователя, чтобы рассказать ему свои предположения... Кто ведет это дело?

– Капитан Аркатов, – послышался ответ генерала.

Это был молодой, очень дельный офицер, работник Особого отдела, прикомандированный к нашему штабу.

– Хорошо. Это работник умный и вдумчивый, он сумеет разобраться с этим делом... Жаль, конечно, что Устинов еще не поднялся... тут нужна его хватка...

– Постойте, постойте, – послышался в трубке обеспокоенный голос генерала, – что вы такое говорите?

– Как что? Жалею, что Устинов еще лежит... не может сам заняться этим делом.

Наступила пауза, я слышал в трубке дыхание генерала и затем его голос:

– Александр Петрович, разве вы не знаете...

– Что? – перебивая его, спросил я.

– Что Устинов убит вчерашним взрывом...

– Как убит?! Да ведь военврач говорила мне, что он жив и поправляется.

– Извините, значит, я невпопад сказал это... Не сообразил, что в таком состоянии не следовало вам об этом говорить...

– Да нет, товарищ генерал, я совершенно здоров... и боль и ушиб пустячные... Не знаю, зачем только докторша предписала мне отдых... Здесь не санаторий, и я сегодня же явлюсь в управление.

– Нет, нет, голубчик, не надо. Зачем такая спешка? Полежите еще день, а завтра к вечеру приезжайте, если врач разрешит... Я ее сам спрошу... – снова раздался голос генерала. – Да, кстати, спасибо вам, дорогой Александр Петрович, за бутылку вина, только напрасно послали... Ведь я почти не пью, а вам оно сейчас было бы очень кстати.

– Что «кстати»? – не понял я.

– Красное вино, которое вы послали мне.

– Я послал вино? – совершенно не понимая ничего, переспросил я.

– Ну да, бутылку красного «Напареули».

– С кем послал? – уже тревожась, спросил я.

– Как с кем?.. Да с врачом, с этой, ну с новой нашей докторшей, которая прибыла вместо Суренкова...

– Капитан Краснова? – закричал я.

– Ну да!.. Да что случилось? – уже в свою очередь тревожно спросил генерал.

– Да потому что я ничего не посылал вам и ничего не поручал ей... Вы еще не пили этого вина?

– Конечно нет, даже не откупоривал... Это интересно! Значит, товарищ полковник, вы ничего не поручали ей?

– Абсолютно... Да и разве мог я это сделать, не предупредив вас?

– Странно... Очень странно. Вот что, голубчик мой, никому ни звука. Через час сорок минут буду у вас с капитаном Аркатовым.

– Жду, товарищ генерал, – сказал я, вешая трубку.

Дом с привидениями, смерть Устинова, вино, которое я не посылал, докторша, с такой странной заботливостью оберегающая мое здоровье... Всего этого было достаточно, чтобы, куря папиросу за папиросой, долго и сосредоточенно подумать о событиях, происшедших за эти сутки.

– Соедините меня с санчастью, – сказал я. – Майор Зорин? – спросил я.

– Да!.. Это вы, товарищ полковник? – узнав меня, спросил начсанотдела. – Чем могу служить?

– Мне нужны на полчаса личное дело и характеристика военврача Красновой. Только сделайте так, чтобы никто – ни она, ни отдел кадров – не знали об этом.

– Сейчас это сделать невозможно, смогу прислать лишь к вечеру.

– Почему?

– Личное дело капитана Красновой пять минут назад послано к генералу, по его приказанию.

– А-а... – сказал я. – В таком случае приезжайте сейчас ко мне.

– Вы плохо себя чувствуете? – обеспокоился майор. – Разрешите, товарищ полковник, я захвачу с собой и Краснову. Она поможет вам...

– Нет, приезжайте одни, Краснова сейчас не нужна. Я чувствую себя отлично, – закончил я, вешая трубку.

Спустя двадцать минут майор уже входил ко мне. Это был розовый, приветливый человек лет сорока, работавший до войны начальником поликлиники где-то в Закавказье.

– В чем дело, товарищ полковник? Чем провинилась Краснова, что привлекла к себе такое внимание? – обеспокоенно спросил он.

– Да вины никакой нет, но человек она новый, нам интересно ознакомиться с ее делом. Она сейчас в санчасти?

– Так точно... должна быть на работе. У нее прием.

– А скажите, товарищ майор, этот порошок «дигиталис» или что-нибудь другое? – подавая врачу порошок, оставленный Красновой, спросил я.

Начсанотдела развернул бумажку, понюхал содержимое ее и, недоуменно поднимая плечи, неуверенно сказал:

– Нет, что-то не похоже на дигиталис... тот порошкообразный, как, скажем, мука, а тут видны кристаллы.

Он еще раз внимательно оглядел порошок и чуть капнул на него из стакана. Запах горького миндаля разнесся по комнате. Майор воззрился на меня, на его лбу выступил пот.

– Ска-жите, – задыхаясь, спросил он, – этот порошок... оставила Краснова?

Я молча кивнул головой, продолжая глядеть на растерянное лицо майора.

– Да ведь это... цианкалий!.. Самый страшный яд!!! – вдруг закричал он. – Врач не мог так ужасно ошибиться... Значит... – И он в ужасе замолчал.

Я снова утвердительно кивнул головой. Майор тяжело опустился в кресло.

– Я сейчас позвоню в санчасть... – вскакивая с места, крикнул он. – Прикажу, чтобы ее задержали.

– Поздно, майор, думаю, что эта самая... – я подчеркнул, – «Краснова» уже далеко от вашего санотдела. Но все же звоните.

– ...Капитан Краснова полчаса назад ушла, – доложил дежурный по санчасти. – На осмотр больного полковника... – И он назвал мою фамилию.

– Вот видите, – засмеялся я, хотя мне было совсем не до смеха.

– Если она найдется или случится что-нибудь важное, звоните на квартиру полковника, я нахожусь у него, – приказал майор и, вешая трубку, растерянно произнес: – Вот так дела-а!

У подъезда послышался шум останавливающейся машины, а спустя минуту в коридоре послышались шаги.

– Можно? – раздался голос, и в комнату вошел генерал в сопровождении капитана Аркатова.

– О-о, да вы выглядите просто превосходно, – пожимая мне руку, сказал генерал, – а по рассказам врача... – он иронически улыбнулся, – вам лежать и лежать.

– Красновой? – спросил я.

– Да, хотя, я думаю, она такая же Краснова, как я китайский богдыхан. Ну, майор, где ваш военврач? – обратился он к начсанотдела.

– Была в санчасти, но полчаса назад будто бы направилась сюда.

– Именно «будто бы»... Ну, ладно, не иголка в стогу, не потеряется, найдем ее... Итак, майор, вы сейчас силою вещей вовлечены в события, которые произошли вокруг вас. Для следствия необходимо, чтобы вы были немы и забыли то, что уже известно вам.

– Понимаю, товарищ генерал, можете быть уверены, – вытягиваясь по струнке, сказал начсанотдела.

– Вот личное дело этого врача: «Анна Александровна Краснова, 32 лет, уроженка Краснодара, из рабочей семьи... так... не замужем. Образование – Ростовский мединститут, кандидат партии с февраля 1941 года. Участие в войне – Западный фронт, терапевт медсанбата 29-й гвардейской стрелковой дивизии...» Как видите, все по форме, ни к чему нельзя придраться. И характеристика из санупра фронта отличная, только... только, – приближая к глазам личное дело, повторил генерал, – карточка ее несколько неровно наклеена, чуточку как бы вкось... дайте-ка лупу, – и, разглядывая в увеличительное стекло документ, он сказал: – Да, так и есть, чуточку, на самую малость, на какую-либо чуточку, карточка наклеена вкось, и вот, глядите, буквы печати «...дейской стрелковой» чуть расплывчаты – ниже слов «пехотной дивизии»... – и, обернувшись к Аркатову, спросил: – Когда надеетесь найти эту особу, капитан?

– Самое позднее к вечеру, – сказал Аркатов, раскладывая на столе бумаги. – Хотя надо помнить, – взглянув на часы, сказал он, – что с момента ее ухода из санчасти прошло больше двух с половиной часов. Вино, как мы и предполагали, оказалось отравленным синильной кислотой. Вот анализ лаборатории, – закончил Аркатов.

– Разнообразная дама, – улыбнулся я.

– Как это? – не понял генерал.

– Вам – синильной, а мне вот оставила порошочек для усиления сердечной деятельности... – беря со стола пакетик, сказал я, – цианистый калий... Усердно

уговаривала принять перед обедом. А предварительно пыталась инъекцию какую-то сделать...

Начсанотдела, бледный и растерянный, в ужасе слушал наш диалог.

– Какая негодяйка! Несомненно, гестаповская преступница, оставленная здесь, – наконец выговорил он.

– Ну, это наши органы выяснят дальше, а теперь, майор, возвращайтесь обратно в санчасть и, как только получите из сануправления фронта дополнительные данные о Красновой, немедленно же доложите мне.

– Слушаюсь! – поворачиваясь к выходу, сказал майор.

Громкий телефонный звонок раздался в комнате.

– Товарищ полковник, – послышался в трубке возбужденный голос, – у вас начсанотдела?

– У меня... Товарищ майор, вам звонят из санчасти.

Майор быстро взял трубку.

– Это я... что случилось? – взволнованно спросил он и вдруг закричал: – Нашлась!.. Краснова нашлась!

Мы переглянулись.

– Убита?! – еще громче закричал майор. – Найдена мертвой возле вокзала?.. – И, поворачиваясь к нам, сказал: – Дежурный офицер звонит...

– Отправляйтесь сейчас же в санотдел, узнайте подробности и доложите мне. Вы же, капитан, немедленно к месту происшествия, выясните все детали убийства, – распорядился генерал.

– Есть... – сказал Аркатов.

– Произведите дознание, а мы с полковником подумаем, что следует делать дальше.

Аркатов и майор вышли из комнаты.

– Закономерный конец. Ничего неожиданного. «Мавр сделал свое дело, мавр может уходить», – сказал я.

– Нет, я думаю, что тут сложнее, – задумчиво сказал генерал. – Здесь дело не в «мавре», тем более, что он и не сделал ничего... Мне интересно, что будет найдено на трупе.

– То есть? – спросил я.

– Подождем немного, – вместо ответа сказал генерал. – А сейчас займемся данными о людях, живших в сгоревшем «доме с привидениями».

– Если не ошибаюсь, маленький человечек называл имена своих соседей, инженера Градусова, какую-то Елизавету Львовну, ссылаясь на них, как на людей, которые тоже видели привидения.

– Вот данные о жителях сгоревшего дома, – придвигая ко мне бумаги, сказал генерал. – Инженер Градусов с семьей. Елизавета Львовна Коршунова действительно проживает в нем. Кого еще называл этот человек?

– Больше никого. Он был так жалок, беспомощен и смешон, так испуганно рассказывал о привидениях, что... – я запнулся, подыскивая нужное слово.

– ...что вы даже пожалели его...

– Вот именно, – сказал я.

– А этот маленький, беспомощный, симпатичный человек, по-видимому, и является плавным звеном всей этой преступной цепи. Как вы себя чувствуете? Только говорите правду, – осведомился генерал.

– Совершенно здоров. Слабость как рукой сняло. События сегодняшнего дня излечили меня.

– Тогда попрошу вас, после того как вернется Аркатов, опросите жильцов дома номер сорок семь по Большой Спасской улице, в дальнейшем будем его называть просто «домом с привидениями». А вечером заезжайте ко мне. В двадцать два часа тридцать минут я буду вас ждать с уже обработанными материалами, – уходя сказал генерал.

Капитан Аркатов вернулся поздно.

– Ну-с, товарищ полковник, – присаживаясь к столу, сказал он, – давайте проверять нашу систему.

«Наша система» – это была неписаная, но уже ставшая привычной, традиция, заключающаяся в том, что мы, то есть коллектив работников, офицеров управления, начиная с генерала и кончая капитаном Аркатовым, люди, довольно долго работающие вместе, с целью проверки правильности выводов и прогнозов следствия, еще не рассказывая другому результатов проделанной работы, спрашивали его о том, что думает он и как он ведет данное дело. Это было нечто вроде своеобразной «военной игры», в которой шлифовалось воображение, проверялась и оттачивалась интуиция, шире развивалась деловая фантазия, раздвигались рамки психологического анализа. Это было полезное начинание, в котором ошибки и неверные выводы тут же исправлялись. Занятия эти велись по уговору – «не взирая на лица». Нередко и сам генерал выслушивал строгие, резкие суждения от остальных участников...

– Итак... – начал Аркатов, – чей это был труп?

– Конечно, Красновой, но не той, которая проникла к нам, а другой, настоящей, которую по пути к нам убили фашисты и документами которой воспользовались.

– Неверно. Первая ошибка, – сказал Аркатов. – Мертвая женщина – как раз та самая «Краснова», которая хотела отравить вас. Вы сможете опознать ее сами. И я, и работники санчасти узнали ее.

– Сделали вскрытие?

– Вскрытие позже, но это и неважно. От нее разит горьким миндалем, этим стандартным запахом всех классических отравлений. Обнаружили не сразу, так как по шоссе двигалась густая колонна грузовиков, и, когда прошла последняя машина, прохожие увидели лежавшую на дороге женщину. Из этого значит... – Аркатов замолчал.

– ...из этого значит, что одна из последних машин и выбросила на дорогу этот труп.

– Значит, где-то недалеко есть центр, ведущий борьбу против нас, – перебил я.

– Думаю, только против генерала и вас, товарищ полковник, – сказал Аркатов. – Не против управления или отдела, а именно против вас двоих. И, исходя из этой отправной точки, мы, по-моему, и должны вести наше следствие.

Вывод опытного и умного следователя, каким был Аркатов, удивил меня.

– Подумайте, товарищ полковник, ведь вас, именно вас и генерала зазвал в дом этот неизвестный человек. К вам явился он и умно разыграл роль маленького, беспомощного, ничтожного человечка, ищущего помощи у власти. Но возникает вопрос: а что случилось бы, если бы вы и генерал погибли? Что произошло бы? Рухнула бы советская власть? Обессилела наша армия? Приостановилось бы наступление на фронтах? Нет, все это было бы по-прежнему, и только вместо генерала и вас пришли бы новые генерал и полковник, и работа управления шла бы своим чередом. Значит, винтики машины были бы заменены новыми, и она продолжала бы работать. Это знаем мы, это понимает и враг, а, судя по всему, он умный противник и не стал бы из-за, извините меня, мелочей ставить под удар свою организацию и жертвовать своими людьми. Значит, им нужны вы и генерал. А теперь подумайте, кто и почему так домогается вашего уничтожения? Повторяю, это мой вывод, мои предположения.

– Признаюсь, капитан, вывод ваш хотя и не лишен оригинальности, но не убеждает меня. Я не изобретатель сверхмощного оружия, не дипломат, решающий сложные проблемы, не химик, открывающий непреодолимой силы газы или яды... Я – обыкновенный советский офицер, каких тысячи, да, насколько мне кажется, и генерал тоже не из плеяды особо выдающихся

военных деятелей нашей армии, чтобы немцам надо было охотиться за ним.

– Немцам? – переспросил Аркатов. – А вы уверены, что это немцы?

– А кто же? – глядя на него, спросил я.

– Не знаю... Вот это-то нам и нужно разгадать.

Он встал и, быстро пройдясь по комнате, вдруг остановился возле меня и коротко спросил:

– Вы знаете, что я нашел на трупе Красновой?

– Нет. А что именно?

В эту минуту, как и в прошлый раз, сильно зазвонил телефон.

– Товарищ полковник. Говорит майор медслужбы... – слышался в трубке голос начальника санчасти. – Происшествие... Обнаружена Краснова...

– Какая Краснова?

– Военврач санотдела... капитан Краснова, – продолжал взволнованный майор.

– Что за чертовщина! Да ведь она раздавлена машиной...

– Никак нет... она... – возбужденно докладывал майор.

Телефон смолк, разговор оборвался.

– Алло! Алло!.. – стуча по рычажку, закричал я. Мертвое молчание было ответом. Было ясно, что провод оборвался или был обрезан в момент нашего разговора. Аркатов, поднявшийся с места и молча слушавший мои слова, сказал:

– Вздор!.. Неправда!.. Краснова или та, кто прикрывался ее именем, убита...

– Не знаю... Начсанчасти только что доложил, что она жива.

– Действительно чертовщина, – засмеялся Аркатов. – Духи, которые бродили в доме, по-видимому, существуют, и к их компании теперь присоединилось и привидение убитой Красновой.

И мы побежали к машине, ожидавшей капитана у ворот.

В санчасти возле возбужденного майора и удивленных, ничего не понимающих сотрудников стояла полная высокая женщина с круглым, типично русским лицом. Она была в форме капитана медицинской службы.

– Вот, рекомендую, товарищ полковник, военврач Краснова, – разводя руками, сказал майор.

Поднося руку к пилотке, женщина отчетливо отрапортовала:

– Товарищ полковник! Гвардии капитан медслужбы Краснова прибыла к месту службы. Задержка в пути произошла ввиду...

Я остановил ее и, войдя в кабинет майора, спросил:

– Где вы были эти три дня?

– Четыре, товарищ, полковник. В субботу вечером, когда я ехала сюда из сануправления фронта, меня при въезде в город задержал комендантский патруль, отобрал документы и до сегодня держал под арестом.

– Причины задержания?

– Лейтенант, снявший меня с машины, сказал, что документы не в порядке и для выяснения пригласил в комендатуру.

– Сколько человек было в патруле?

– Двое. Лейтенант и солдат.

– А в комендатуре?

– Не знаю. Я даже не могу вспомнить, что произошло дальше, так как, когда меня повезли, уже в машине мне стало плохо... дальше не помню ничего... какой-то туман... Очнулась час назад в саду, на окраине города, откуда я добралась до санчасти. Я могу приступить к своим обязанностям? – спросила Краснова.

– Это дело вашего начальства, – указывая на майора, сказал я.

– Документы ваши у меня, вы их получите вечером, – сказал Аркатов. – Говорить о том, чтобы вы не распространялись об этом приключении, я думаю, не стоит, – закончил он, и мы вышли на улицу.

– Ну, как, товарищ полковник, узел распутывается? – спросил он.

Я пожал плечами.

– А по-моему, запутывается.

– И да и нет. Вы сейчас куда едете?

– Опросить погорельцев, жителей того проклятого дома.

– А я в комендатуру. Итак, до вечера у генерала.

Жильцы сгоревшего дома были переселены в пустовавшее здание почтамта. Всего было пять семейств: Градусова, того самого инженера, о котором говорил посетивший меня человек, и четырех других. Тут был и рабочий пивоваренного завода Соломин, и пианист Приорин, и та самая Елизавета Львовна, на которую ссылался таинственный человек.

Конечно, никто из них даже и не слышал ни о каких «привидениях». На мой вопрос, кто из них жил в той стороне дома, где произошел взрыв и откуда начался пожар, жильцы ответили: «Никто», а инженер Градусов удивленно сказал:

– Разве товарищу полковнику неизвестно, что вся передняя половина дома, начиная с парадного и включая большой зал, то есть центр здания, пустовала?

– Почему пустовала?

– До прихода наших войск там находился немецкий офицерский изолятор, и, хотя официально это не было известно, мы, жильцы, знали об этом.

– Как же немцы разрешили посторонним жить в том доме?

– А мы жили с другой стороны, отделенные глухой стеной от изолятора. Дом этот некогда принадлежал купцу Тестову, и купец своеобразно построил этот дом. Переднюю сторону он вывел фасадом на улицу, с парадным подъездом, с колоннами и львами, с просторными комнатами, большим залом, с паркетом и высокими окнами... То есть для себя. Для прислуги же и для сдачи в наем он отвел вторую, заднюю часть дома, совершенно изолированную от первой, с отдельным ходом, со своим двором. Поэтому нас и не тронули немцы. Вот приблизительный план этого дома... – И он быстро набросал его на бумаге.

– Но кое-кого вы все-таки видели?

– Конечно, – зашумели жильцы, – и больных, и врачей некоторых...

– А не встречали вы когда-либо маленького роста, невзрачного человека, отлично говорящего по-русски?

Жильцы задумались, потом Елизавета Львовна, а затем и остальные покачали головами.

– По-русски некоторые говорили, но мужчины такого не было.

– А женщины?

– Была одна, врач, но она давно уехала отсюда... да и та, кажется, была не немка: не то полька, не то чешка, – сказал Градусов.

– Немка, – решительно сказала Елизавета Львовна, – только она родилась в России и долго прожила в Польше. Воспитанная дама с хорошими манерами и очень неплохо говорила по-русски, но она не уехала, недели три назад она ненадолго приезжала...

– А вы помните ее внешность? – спросил я.

– Ну, как же! Невысокая, полная, с приятным лицом и темными глазами.

– Спасибо, прошу извинить за беспокойство, – поднимаясь, сказал я.

– Товарищ полковник, – просительным тоном сказал Градусов, – от лица, так сказать, коллектива я обращаюсь к вам... нельзя ли просить об одном очень большом для нас одолжении?..

Жильцы закивали головами.

– ...Здесь есть несколько никем не занятых домов. Можно ли нам, с вашего разрешения, перебраться в один из них. Почтамт и велик, и неприспособлен для жилья.

– Отчего же? – сказал я. – Вы и Елизавета Львовна садитесь сейчас со мною в машину. Мы проедем в комендатуру, где вам выдадут ордера на подходящий дом.

Под радостные возгласы остальных мы спустились к машине.

Проезжая мимо санотдела, я сделал вид, будто что-то вспомнил и, приказав шоферу подъехать ко входу и попросив спутников подождать, вошел в дом.

– Где лежит раздавленная грузовиком женщина? – поднявшись наверх, спросил я дежурного врача.

– В первом этаже, в комнате номер девять, товарищ полковник.

Я спустился к машине и попросил Градусова и его спутницу пройти со мной.

– К коменданту? – идя за мною, спросил инженер.

– Нет, – сказал я, пропуская их в комнату № 9.

На клеенчатой кушетке лежал труп, покрытый простыней.

Я отдернул простыню и коротко спросил:

– Вы не знаете ее?

– Госпожа Янковиц! – вздрогнув и всматриваясь в труп, сказал Градусов.

– Не ошибаетесь? – спросил я.

– Нет! Это она, – уверенно сказала Елизавета Львовна и перекрестилась.

Спустя несколько минут комендант города уже подписывал ордер жильцам сгоревшего «дома с привидениями».

В 22.30 я был у генерала. Капитан Аркатов уже стоял у стола.

– Вот и отлично, – сказал генерал. – Итак, займемся делом. Что скажете, капитан? – и, усевшись в глубокое кожаное кресло, он замолчал.

Я присел к столу и, вынув блокнот, приготовился слушать капитана.

– Когда я по вашему приказанию прибыл к месту происшествия, там убитой женщины уже не было. Ее перенесли в помещение санчасти, где я произвел тщательный осмотр трупа. На левой руке у нее был найден след иглы шприца, а произведенное вскрытие подтвердило наше предположение. Вот акт вскрытия. – И Аркатов скороговоркой прочел: – «Мы, нижеподписавшиеся врачи, капитан медицинской службы...» – И, пропуская слова, он сказал: – Вот оно: «Согласно

результату вскрытия смерть женщины произошла от отравления цианистым калием, введенным в ее тело при посредстве шприца, что и послужило причиной смерти неизвестной, занесенной в протокол вскрытия под вымышленной фамилией военврача Красновой. Капитан медслужбы Зверев».

– Как видите, если и не очень литературно, то, во всяком случае, убедительно, – сказал Аркатов, откладывая в сторону листок вскрытия.

– Продолжая осмотр трупа, кроме уже известных вам документов на имя Красновой, я нашел на нем вот этот маленький медальон с буквами «Г» и «Я», католический молитвенник со свастикой на переплете и обрывок письма, написанного по-немецки, всего в две строки... А это три фотографии, снятые нашим фотографом с убитой. Вот отрывки из письма и их перевод. – И он, кладя на стол перечисленное, прочел:

– ...«Нужно полагать, что эта задержка сможет приостановить хотя бы на...» – здесь пропуск, а сбоку приписка карандашом – «прекрасно», – вот и все, но приписка эта сделана по-английски. Итак, как видите, налицо запутанный клубок. К этому добавлю еще следующее. Из опроса лиц, первыми обнаруживших труп, выяснилось, что «Краснова» (так пока будем называть ее) была сброшена со студебекера, шедшего в колонне автомобилей к переправе, но как она попала в колонну, никто не знает. И второе – часть машин этой колонны принадлежит штабу тыла польской дивизии, стоящей на отдыхе у местечка Вязы. Шоферы машин и провожавшие грузы сержанты и офицеры, опрошенные днем, ничего не знают. Вот телефонограмма из дивизии, – и Аркатов положил ее рядом с остальными вещами «Красновой».

– Метки на белье есть? – спросил я.

– Меток нет, но белье иностранного происхождения, – сказал капитан.

– Сложный переплет, – сказал генерал, – тут все – и латинские буквы, и немецкое письмо, и английская приписка, и даже польский молитвенник. Что вы сами думаете об этом, капитан?

– Решения пока нет, товарищ генерал, но эта смесь, конечно, подстроена недаром. Несомненно, нас хотят запутать. С одной стороны, «Краснова» и ее хозяева как будто бы немцы, все как бы клонится к тому. И свастика на

молитвеннике, и покушение на вас, и фронт в ста километрах отсюда, все это говорит о немцах, но зачем немцам запутывать нас? Мы с ними воюем, им не надо прятать своей удачи. Если они сумели взорвать у нас под носом дом, – в этом их достижение, а наш промах. Если они каким-то образом могут ввести в наши военные органы своих агентов, – в этом их успех, а наше упущение. Если они в уже занятом нами двадцать дней городе безнаказанно ведут какие-то дела, это тоже признак их умения и ловкости... Основываясь на всем этом, я думаю, что им незачем было бы кивать на кого-то. Но, по логике вещей, мы и так должны подумать, что тут орудуют немцы и что вся эта таинственная чертовщина с привидениями – дело гестапо. Не так ли?

– Мне тоже дело кажется сложнее, – сказал генерал. Он взял медальон и, оглядев его через лупу, сказал: – «Г» и «Я», что это – истинные инициалы убитой или тоже для отвода глаз?

Я промолчал. Аркатов пожал плечами.

– Вы помните, что днем, посылая вас на расследование смерти этой женщины, я сказал, что здесь дело не в мавре и что мне интересно, что будет найдено на трупе. Я был уверен, что убийцы оставят какие-нибудь следы, чтобы сбить нас с правильного пути. Эта свастика и немецкое письмо подложены нарочно.

– А английская приписка? – спросил я.

– Эта грубая работа говорит о том, что противник не уважает нас, считая нас глупее себя.

– Точно! – потирая руки от удовольствия, сказал Аркатов.

– ...Немецкие методы работы более просты и мало отличаются от обычных «мокрых дел» уголовного мира, – продолжал генерал.

Я молчал. Уверенность генерала и несколько хвастливые прогнозы Аркатова тешили меня. Я-то знал, кто такая была эта «Краснова».

– ...И эти выводы дают мне право предполагать, что убитая женщина и таинственный человек, пригласивший к себе Александра Петровича, были не

немцы, а члены организации какой-то другой страны.

– «Краснова» – немка, и зовут ее Гертруда, фамилия – Янковиц, – сказал я, закуривая папиросу.

В комнате стихло. Генерал провел по лбу рукой, выжидательно глядя на меня. Аркатов растерянно сел, потом поднялся и переспросил:

– Янковиц? Откуда вы это знаете?

И я, в свою очередь, рассказал им все, что узнал о «Красновой».

Ночевал я у генерала, поместившись в угловой комнате, где стоял огромный диван, обитый цветным ситцем с золочеными амурами по краям.

Аркатов уехал в двенадцать часов, а мы с генералом, перейдя на фарсидский язык, просидели еще с полчаса, комментируя события прошедшего дня.

– Хотя дело это уже передано соответствующим органам, все же я чувствую, что оно всецело наше, то есть прямо и непосредственно связано со мною, с вами, – сказал генерал.

– Кто знает это, кроме Аллаха, – изречением из корана по-арабски сказал я, разглядывая молитвенник Янковиц. – Это необходимо передать следственным органам или можно придержать у себя? – спросил я, указывая на книгу.

– Вообще да, но если вам очень нужно, то оставьте у себя.

Я молча кивнул головой и, откладывая в сторону молитвенник, взял медальон. Он был небольшой, глухой, округлой формы: в виде сердца, с тремя алмазиками посреди и буквами «Г» и «Я» с краю. Повертев его в пальцах и рассмотрев со всех сторон в лупу, я обратил внимание на то, что буквы эти очень ярко выделялись на матово-желтом фоне медальона. Золото блестело слишком свежо в вырезах букв. Я еще раз взгляделся в увеличительное стекло.

– Что такое? – спросил генерал.

– Буквы вырезаны недавно. Медальон же достаточно поношен, если можно так выразиться о нем. Кое-где стерт, поверхность говорит о том, что его носят давно, форма очень банальна. Это медальон так называемого дешевого мещанского типа. Такие носили обычно девушки из бедных классов, обитательницы пригородов, жалких местечек...

– Вы хотите сказать, что Янковиц – врач и член тайной организации, женщина, судя по всему, с опытом и вкусом, вряд ли носила этот медальон? – спросил заинтересованный генерал.

– Это просто предположения, – сказал я.

– Не лишённые смысла, – поддержал генерал.

– Дальше. Буквы на таких медальонах обычно вырезаются посреди, почему же здесь буквы «Г» и «Я» вырезаны сбоку?

– Потому что середина уже занята алмазами, – явно заинтересованный, сказал генерал.

– Именно! Поэтому-то, когда понадобилось пустить в дело сей медальон, на нем спешно были вырезаны нужные буквы «Г» и «Я».

Мы замолчали.

Я снова взял медальон и опять стал разглядывать его. Он действительно был до крайности прост и скромен. И наивная, сентиментальная форма «сердечком», и дешёвенькие алмазики на нем. Я потрогал их, они были мутны и неровны. Я хотел протереть камни, как вдруг под нажимом пальцев они слегка подались внутрь, и крышка казавшегося глухим медальона щелкнула и приоткрылась. Я сильнее нажал на алмазы. Они целиком ушли в медальон. Крышка отошла, и перед нашими изумленными глазами показалось углубление, в котором было что-то выгравировано. Мы нагнулись над лупой. Сквозь стекло лупы крупно и выпукло выросли две вырезанные на золоте по-русски фамилии:

ГЕНЕРАЛ СТЕПАНОВ

ПОЛКОВНИК ДИГОРСКИЙ

Мы озадаченно посмотрели один на другого.

– Наши фамилии, – наконец произнес генерал, – это уж совсем странно.

– М-да! – протянул я, пораженный этим неожиданным открытием.

К немецкому письму с английской припиской, к католическому молитвеннику и медальону с латинскими буквами «Г» и «Я» прибавились еще наши фамилии.

Было чему удивляться.

Откинув шторы и выключив свет, мы сидели у открытого окна, слушая шумы ночного, затемненного города. Сквозь листву и кружево решеток угадывалась улица с аллеей тополей и каштанов. Возле ворот покашливал часовой, и молочная луна играла на стволе его автомата. Во дворе у машин, негромко переговариваясь, возились шоферы.

– Вы хорошо запомнили человека, посетившего вас? – спросил генерал.

– Я его узнал бы в толпе среди сотен людей. Со вчерашнего дня я то и дело восстанавливаю в памяти его лицо. Вспоминаю голос, тихие и жалкие интонации просителя, кроткие, несколько испуганные глаза, сразу же расположившие к себе...

– Хороший актер, – сказал генерал. – Однако вернемся к медальону. Мне кажется, что я начинаю понимать, зачем в нем выгравированы наши фамилии.

– Для того, чтобы Янковиц имела шпаргалку и случайно не забыла бы наши звания и фамилии?

– Именно! Ведь ей для уничтожения нас было предоставлено мало времени, всего несколько часов, и не зная нас, она могла бы оговориться или вообще

допустить какой-нибудь промах, могущий провалить ее дело.

– Значит, Аркатов прав. Мы, я и вы, являемся для кого-то людьми, которых почему-то обязательно нужно убить, – сказал я.

Мы разошлись по комнатам, но уснул я не сразу.

На следующий день Аркатов уехал в расположение польской дивизии.

Занятый текущей работой, я почти забыл о деле «с привидениями».

– Товарищ полковник, к вам гражданин какой-то пришел! Уже минут двадцать дожидается, – услышал я голос ординарца.

– Кто такой? – спросил я, убирая со стола бумаги.

– Не знаю... первый раз вижу, – сказал ординарец.

– Пусть войдет, – приказал я.

Спустя минуту в комнату, осторожно ступая по ковру, вошел человек средних лет, одетый в потертое штатское платье и большие квадратные ботинки.

У самой двери он низко поклонился и, теребя в руках заношенную шляпу, робко воззрился на меня.

– Чем могу служить? – спросил я, указывая ему на стул.

Человек переступил с ноги на ногу, оглянулся и сдавленным голосом тревожно сказал:

– Не сочтите меня умалишенным, пане полковник, но то, что я скажу вам, есть истинная правда... – он остановился, словно набираясь решимости, проглотил слюну и вдруг сказал: – Привидения... черти одолели... сна нету... каждую ночь из стены появляются...

Я улыбнулся, продолжая разглядывать неизвестного человека.

– ...И лезут, и лезут... Помогите, пане полковник, – опускаясь вдруг на колени, закончил он.

– Сейчас помогу, – сказал я, – излечение будет полное, только забавно, что хозяева ваши не нашли чего-нибудь другого... поновее чертей, – и, открыв двери, крикнул дежурному и ординарцу: – В подвал его, приставить часового.

Оба солдата, подняв все еще стоявшего на коленях человека, вывели его вон.

– Як Бога, прошу, пане полковник, помогите... – бормотал арестованный, устремив на меня молящий взгляд.

– «Лыки да мочала, начинай сначала», – засмеялся генерал, когда я рассказал ему о дурацком приходе второго посетителя. – А вместе с тем, – медленно проговорил он, – как-то не вяжется повторение этого номера с весьма продуманными и решительными действиями людей, орудующих против нас. Вы когда будете опрашивать его?

– После обеда...

– Я приеду к вам. Мне хочется поглядеть и послушать этого человека.

– Как арестованный? – вернувшись домой, спросил я дежурного сержанта.

– Сидит в подвале. Тихий такой, смирный человек. Все бормочет что-то, я не понял его... на чертей, что ли, жалуется...

– А что именно говорит?

– На стенку показывал... в угол плевался и какие-то молитвы читал. Я думаю, он псих, товарищ полковник.

– Что нашли при обыске?

– Ничего, ни бумага, ни табака, ни денег.

– Кормили его?

– Так точно, только и ел он как ненормальный... ест, а сам в угол глядит и руками отмахивается.

Я взял трубку и, соединившись с санотделом, спросил:

– Кто у нас психиатр?

– Майор Ромашов, – сказал начсанчасти, – прекрасный психиатр с ученой степенью, кандидат медицинских наук. На «гражданке» был ассистентом профессора.

– Отлично! Пришлите его ко мне.

Я позвонил генералу и доложил, что в 20 часов хочу допросить задержанного человека.

– Буду к этому времени у вас, и очень хорошо, что вы пригласили доктора Ромашова. Я уверен, дорогой Александр Петрович, что на этот раз мы имеем дело с сумасшедшим... Вы понимаете, зачем перед нами появляется одержимый манией шизофреник?

– Конечно, догадываюсь, – сказал я. – Дешевый номер, хотя и не лишенный остроумия.

– А вы подумайте, для чего это сделано... а пока до вечера, – сказал генерал.

Я задумался. Из раздумья меня вывело появление майора Ромашова.

– Кто заболел, товарищ полковник? – встревоженно спросил он.

– Не беспокойтесь, я здоров, – засмеялся я, – и вовсе не думаю быть вашим пациентом. Вы нужны, доктор, для того, чтобы выяснить, с кем мы имеем дело, с

больным или с симулянтом.

– О-о! Симулировать сумасшествие при современном развитии психиатрии почти невозможно. Вы разрешите мне по мере надобности вступать в беседу с интересующим вас человеком?

– Пожалуйста, – ответил я.

Стенные часы медленно и звонко пробили восемь. У ворот остановился автомобиль, и, как всегда точный, в комнату вошел генерал.

– Введите задержанного, – приказал я дежурному.

Спустя несколько минут солдаты ввели в комнату моего утреннего гостя.

Увидев меня, он низко поклонился и, отвесив учтиво поклон доктору и генералу, обратился ко мне:

– Пани полковник, нету мне покою... опять черти... одолели... так и лезут, и лезут... щиплют... смеются... прикажите им уйти.

Мы молча смотрели на него.

– ...Вам легко... они вас послушают, а мне житья от них нет...

Человек медленно опустился на колени и стал бить поклоны, бормоча:

– Вы же можете... мне пани доктор сказала... это в вашей власти... Пани докторша пробовали сами, но они ее не слушают, они только вас боятся... – И он пополз, пытаясь поцеловать мои руки.

– Я вас избавлю от них, – подходя к нему и поднимая его с пола, сказал Ромашов. Он заглянул ему в лицо, приподнял веко глаза и тихо, но убедительно сказал: – Их здесь уже нет. Они не могут быть здесь, тут охрана.

Человек вздрогнул и с недоверием взглянул на Ромашова. Вдруг он тихо засмеялся и, покачав головой, убежденно сказал:

– Только пане полковник может прогнать их... они его слушаются, пани докторша мне это сказала, – потом он оглянулся и, озираясь по сторонам, шепотом произнес: – Всех убили, и Ядзю, и Стаха, и Борейшу, только Анелю оставили... а меня, – он жалко улыбнулся, и невыразимое страдание перекосило его лицо, – мучают. – Закрыв ладонями лицо, он прижался к стене и громко заплакал. Слезы текли по его небритому подбородку и грязным вздрагивающим пальцам.

Я посмотрел на Ромашова.

Доктор безнадежно махнул рукой и молча покачал головой.

– Успокойтесь, голубчик, здесь никто не посмеет обидеть вас, – ласково поглаживая голову плачущего, сказал он.

– Они мучают меня... их много... Они вот тут... вот в этом месте... – указывая на голову, сказал человек, переставая рыдать. – Одели меня в это платье, а я не хочу его, – сказал он и быстро побросал на пол свой потертый пиджак, под которым был жилет и бязевая рубашка, обыкновенная больничная рубашка с казенным клеймом на плече, – а Стаха убили... и Ядзю тоже, побросали голыми, – забормотал человек.

– Вне всяких сомнений, – поворачиваясь к генералу, сказал Ромашов.

– Не надо даже быть специалистом, – глядя с сочувственной жалостью на копавшегося в своей одежде человека, сказал генерал.

– Разрешите мне отвезти его в санчасть? Мы там с доктором Васильевой осмотрим и уже более точно доложим вам, – попросил Ромашов.

Ромашов и дежурный сержант вывели безучастно глядевшего на них человека.

– Ну, как, все понятно? – спросил генерал.

– Конечно! Это настоящий больной...

– ...одержимый манией преследующих его чертей, – подсказал генерал.

– Ну да, то есть наиболее подходящий субъект для тех, кто хотел уничтожить нас с вами, заинтриговав этой, не лишенной оригинальности, историей с привидениями. Потерпев фиаско, они подослали к нам настоящего больного...

– Для чего? – улыбаясь спросил генерал. – Чтобы показать, что и первый посетитель был сумасшедшим и никакого отношения к взрыву не имел. Взрыв – это случайность, здесь после немцев осталось много заминированных домов.

– То есть убедить следствие, что тут разные вещи и безобидные сумасшедшие с чертями и привидениями никакого отношения к взрыву не имеют?

– И наивно, и одновременно умно, – кивая головой, сказал генерал.

– ...Ибо после неудачного покушения ни один здравомыслящий не повторит прежнего трюка и не пошлет своего агента прямо в руки врага. А если это делается, значит тут одно не связано с другим, – закончил я.

– Хорошо! Пусть они думают, что мы обмануты. В дальнейшем официальном ведении дела версию о сумасшедших и привидениях надо будет исключить, – подумав, сказал генерал, – для себя же мы усилим ее. Кстати, прошу вас лично побеседовать с этим несчастным. Он верит, – генерал многозначительно подчеркнул, – в вашу особую силу над чертями, и кстати, выясните, что за «пани докторша» внушила ему это и почему на нем белье с казенными клеймами.

Он уехал, а я, записав свои впечатления, отправился в санчасть.

Увидев меня, больной опять забормотал о чертях, об убитой кем-то Ядзе, вспомнил Лодзь и понес такую чепуху, что трудно было даже проследить за скачками его безумной горячечной речи.

– Пани докторша... – два раза повторил он, но сейчас же перескочил на терзавших больного мозг чертей и уже не возвращался больше к «докторше», несмотря на мои неоднократные попытки завести о ней речь.

Его раздели. Он безучастно подчинился осмотру, продолжая шептать. «Голенькие... а кругом снег и кровь... и Ядзя, и Стах, и Борейша»... – с трудом разобрал я.

– Безнадежен. Типичная форма неизлечимой шизофрении, – сказал Ромашов. – Причины? – переспросил он и пожал плечами. – Гестапо, ужасы, война!

На белье в клейме было напечатано:

Б. Садки, фл. 2., пл. 4.

– Что это может означать? – спросил я Ромашова.

– Очень просто. Здесь, в пятнадцати километрах от города, есть местечко Большие Садки, там больница для умалишенных и, по-видимому, больной оттуда, – и он расшифровал клейма печати: – Большие Садки. Флигель два, палата четыре.

Я приказал Ромашову, взяв с собою больного, проехать в больницу и выяснить там личность неизвестного.

К ночи вернулся Аркатов.

Врача Янковиц у них никогда не было, но один из медицинских работников польской дивизии вспомнил, что с такой или очень похожей фамилией работала женщина в войсках генерала Андерса, которые после формирования ушли в Иран.

– Точно я не помню, не то Яновиц, Яннивец, или Янковец, но что-то очень похожее на это, – сказал он.

На вопрос о внешности этой женщины он ответил также неточно:

– Она была связана со штабом самого Андерса. Обслуживала высшие, так сказать, сферы командования, и мы, рядовые работники, мало встречались с

нею. Во всяком случае, точно одно, что она очень красивая женщина и знающий терапевт.

Когда Аркатов описал говорившему черты и внешний вид убитой женщины, рассказчик задумался и потом сказал:

– Похоже на нее, однако, по-моему, госпожа Янковиц была блондинкой, – потом, напрягая память, он воскликнул: – Очень хорошо помню ее маленькую, точно нарисованную родинку на щеке и холеные, красивые руки. Вот все, что осталось в памяти, – как бы извиняясь, закончил он.

– Что же? И этого не мало, – сказал я, – хотя у погибшей нет родинки, она шатенка, и руки ее похожи на руки женщины, знакомой с трудом.

– Шатенка могла перекраситься в блондинку, или наоборот, родинку или мушку может поставить любая кокетливая женщина, а руки... руки могли погрубеть позже, когда настали лишения и физическая работа, – постукивая пальцем по портсигару, сказал генерал. – Гораздо интересней – это появление в нашем деле имени Андерса...

– Сейчас оно появится снова, – сказал Аркатов. – Среди шоферов, ведших автоколонну, двое оказались бывшими андерсовцами. Один служил под его началом еще в польско-германскую войну в 1939 году, а другой поступил в Куйбышеве, где формировался этот корпус. И оба одновременно отмежевались от него перед самым уходом Андерса в Иран.

– Интересно! – проговорил генерал.

– И оба вели свои машины рядом. – Аркатов сделал паузу и тихо сказал: – Самыми последними в колонне.

– Их фамилии?

– Рядовой Ян Кружельник и младший капрал Тадеуш Юльский. Последний был в частях Андерса в 1939 году. За ними ведется наблюдение органами их дивизии, и новый материал, по мере поступления, будет направляться к нам. Вот копия их личных дел.

Мы стали разглядывать бумаги.

– Образованный человек этот Тадеуш Юльский, – знает русский, английский и немецкий языки. Последний «плохо», что ж, для шофера очень недурно. Окончил восемь классов Лодзинского коммерческого колледжа, сын приказчика фирмы «Годлевский и Смит». Тоже неплохо.

В комнату вошел запыхавшийся адъютант генерала лейтенант Рябов.

– Товарищ генерал, я за вами, – сказал он.

– Что случилось?

– Шифровка из штаба фронта, – и он передал генералу бумагу.

– Так! – прочтя бумагу, сказал генерал. – Неожиданно, – и протянул шифровку мне.

«Генерал-майору Степанову и полковнику Дигорскому с получением сего прибыть в штаб фронта для немедленного отлета в Москву».

– Значит, – вставая с места, сказал я, – нам надо срочно выезжать.

– Да, тут ясно сказано – мне и вам.

– В Москву, – перечел я. – Конечно, кому не лестно побывать в Москве, но сейчас я, право, не радуюсь этому. Столько незаконченных дел и особенно эта проклятая история с привидениями.

– Приказ, дорогой мой, – остановил меня генерал. – Аркатов и те, кто останется вместо нас, разберутся во всем, а нам, Александр Петрович, следует собираться... Люди мы военные, и приказ остается приказом.

Мы выехали в штаб фронта. Провожавший нас Аркатов с грустью сказал:

– Расстаюсь, как с родными. Чует мое сердце, что вы уже не вернетесь сюда.

– Война не кончена, фронты велики, а военная служба разнообразна. Мы еще встретимся и поработаем с вами, дорогой капитан, а вы обещайте вкратце регулярно сообщать нам о дальнейшей судьбе дела «о привидениях», – прощаясь с Аркатовым, сказал генерал.

– Обещаю, – горячо сказал капитан.

Под утро мы прибыли в село Суковники, где находился штаб фронта, а ночью, уже с предписанием вылететь в Москву, приехали на аэродром. Зачем мы вызваны командованием, никто не знал, но было ясно, что сюда больше не вернемся, так как на наши места уже назначены новые люди.

Ночью взмыла в воздух наша легкая и сильная птица, держа курс на родную Москву.

Мы вышли из «Метрополя» и направились в штаб. На улицах, бульварах и площадях Москвы было оживленно.

Вот она, Москва, военная столица советского народа.

Как эта суровая, затемненная, могучая в своем величавом напряжении Москва непохожа на тот праздничный, веселый и гордый город, каким мы знали его в предвоенные дни! И все же есть что-то близкое и кровное между той и этой Москвой. Спокойное достоинство и уверенность в своем завтра чувствуется во всем.

Генерал, с которым я еще не успел обмолвиться своими мыслями, остановившись, вдруг сказал:

– Солдатская, трудовая, в суровом цвете хаки, победная Москва. Хотя мы на фронте видим, как немцы пьются назад, но здесь еще яснее видна наша неминуемая, закономерная, кровью и страданием добытая победа.

Генерал, встретивший нас, старый конармеец, участник гражданской войны, радушно сказал:

– Поздравляю с новым назначением, ответственным и почетным, – и, не закончив своей фразы, заторопился. – Прошу за мной, товарищи, вас ждут, – и он проводил нас в кабинет генерала, возглавлявшего управление штаба.

– Вам уже сказали о новом назначении? – спросил генерал. – Нет? Дело в следующем. Завтра же вы должны вылететь в Тегеран. – И, заметив наше изумление, он добавил: – Что ж тут необычного? Вы – востоковеды и, если б не необходимость, вы с самого начала были бы посланы туда. Но, – он развел руками, – в начале войны вы были нужны здесь, а теперь – там. Садитесь.

Рядом с генералом сидел человек в штатском. Умные глаза, внимательный взгляд, добрая улыбка и радушное, крепкое рукопожатие располагали к нему.

– Познакомьтесь, – генерал назвал фамилию нового знакомого, известного востоковеда, – мы пригласили сюда товарища для совместной беседы. Одна сторона моего разговора – военная, другая – дипломатическая. Вы, товарищи, будете жить и работать в стране, которая всего год назад готовилась выступить против нас и по указке Гитлера намеревалась захватить Кавказ и Баку. Правда, это было намерение не самого народа, а лишь бывшего Резы-шаха и клики продажных царедворцев и военных, но, так или иначе, власть и политика находились в руках этих людей и, не прими мы своевременно меры, поля Ирана стали бы ареной кровавых боев... Но обо всем этом вам расскажет Андрей Андреевич, я же скажу несколько слов о военном положении и причинах, заставивших нас снять вас с оперативной работы на фронте и направить в Иран. Если что-либо будет неясно, спрашивайте.

Генерал поднялся, медленно прошелся по кабинету и остановился у огромной карты, утыканной разноцветными флажками и пересеченной в нескольких местах красной и желтой ленточками фронтов.

– До начала гитлеровского вторжения в СССР у нас были все же, хотя и ненадежные, пути сообщения с Англией и Соединенными Штатами. Первый путь через Балтику был закрыт воюющими между собою странами, второй – через Мурманск, – был сложен и тяжел, третий – через Тихий океан, – оставался единственным... И хотя он был небезопасен, так как находившаяся с нами в

мирных отношениях Япония неоднократно срывала наше судоходство обстрелом, торпедированием и прочими провокациями, но он все же существовал.

Генерал перешел к другой карте и, водя по ней указкой, продолжал:

– В декабре тысяча девятьсот сорок первого года Япония, по примеру своего партнера, гитлеровской Германии, по-разбойничьи, без объявления войны, атаковала Пирл-Харбор. Началась японо-американская война. Теперь и этот путь был закрыт... Остался один лишь Северный, через льды, моря и туманы Ледовитого океана, но и здесь шныряют десятки немецких подлодок, базирующихся в финских, норвежских и прочих фьордах и портах. Сотни бомбардировщиков дальнего действия, торпедоносцев поднимаются в воздух с аэродромов Скандинавии и идут топить торговые караваны с необходимыми нашей Родине грузами. Рузвельт и огромное большинство американского народа – наши друзья. Они стараются всеми силами помочь нам в нашей сверхчеловеческой борьбе с черными силами фашизма, но фашизм еще очень силен. Люди, создавшие и вскормившие Гитлера, не хотят разгрома гитлеровской Германии.

Знаете ли вы, товарищи, что уже не раз кто-то неоднократно направлял германские подлодки и торпедоносцы на пути, по которым должны идти советско-американские караваны, в то же самое время снимая конвой и посылая его ловить и топить германские подлодки куда-нибудь вдаль. Конечно, в тех секторах, куда уходили удивленные такими приказами моряки, никаких «подлодок» не обнаруживалось, зато на лишенные охраны караваны обрушивались самолеты и нападали подлодки немцев.

Голос генерала был спокоен, но подергивающиеся губы выдавали его волнение. Востоковед сидел неподвижно.

– Как видите, слишком уж тесно переплелись нити, связующие капиталистические монополии воюющего мира.

В связи с событиями в Иране у нас открылся новый путь, по которому президент Рузвельт направил все то, что мы закупает у США. Но и этот путь, отдаленный от театров войны, оказался под ударом. Трансиранская дорога от Персидского залива и до Бендер-Шаха на Каспийском море также небезопасна, но тут уж я

передаю слово уважаемому Андрею Андреевичу, который введет вас в курс дела, – генерал повернулся в сторону молча кутившего востоковеда.

– Военная обстановка в Иране вам уже ясна, – отложив папиросу, сказал Андрей Андреевич, – мне остается ввести вас в курс политических событий и рассказать предысторию нынешнего положения в Иране.

Как вы знаете, низложенный Шах-Реза с самого своего появления на политической арене был и оставался ярким врагом Советского Союза и неизменным поклонником германского фашизма.

Еще в 1924 году германская авиационная компания «Юнкерс» открыла в Иране воздушные линии. В 1927 году немец Линденблатт был назначен директором Национального банка Ирана, а на должность финансового советника – другой немец, Шнивенд. После установления фашистского режима в Германии активность немцев в Иране усилилась, чему открыто помогал Реза-шах. Он содействовал германскому проникновению в области торговли, промышленного, железнодорожного и военного строительства. Все это привело к тому, что уже в 1937–1938 годах Германия заняла второе место во внешней торговле Ирана, оттеснив Англию на седьмое место, а в 1939 году Реза-шах, отказавшись заключить с СССР новый торговый договор, предоставил Германии вести с Ираном торговлю и все деловые связи. В Иране обосновались многочисленные представители различных германских фирм. Немцы стали строить стратегические шоссейные дороги, аэродромы, промышленные предприятия. Во всех важнейших государственных учреждениях и предприятиях Ирана они занимали руководящие места. Шпионаж и разведка – это главное в работе этих «специалистов». Поставляя Ирану вооружение, немцы засылали под видом инструкторов и коммерсантов своих офицеров и агентов СС. Под видом технических специалистов и представителей фирм в Иране находилось свыше восьми тысяч гитлеровских агентов и шпионов, часть которых, пользуясь торговыми связями Ирана с СССР, проникала к нам под видом экспертов и представителей иранских фирм. Эта банда шпионов и диверсантов находилась под началом германского посланника в Тегеране – фон Эттеля. Начальник гитлеровской разведки адмирал Канарис неоднократно приезжал в Тегеран и совместно с фон Папеном и небезызвестным Шахтом был принимаем шахом. Не довольствуясь этим, Реза в августе 1940 года устроил пышную встречу руководителю гитлеровского «Юнгсбунда» Бальдуру фон Шираху, наградив его большой звездой «Льва и Солнца» первой степени. Иран, руководимый реакционером и деспотом Реза-Шахом, быстро катился к фашизму. С момента

нападения гитлеровской Германии на СССР, несмотря на формальное провозглашение Ираном нейтралитета, правительство Реза-Шаха проводило резко антисоветскую политику. Иран превратился в базу деятельности фашистских агентов на Среднем и Ближнем Востоке. Мало того, реакционные, профашистские элементы, подстрекаемые гитлеровскими агентами, решили, что настал благоприятный момент для возрождения стародавних посягательств на советское Закавказье и Кавказ. Такие видные купцы, как Бадр, Микпур, Манук-Мартин и другие, на деньги, отпущенные Гитлером, завербовали в число своих агентов ряд депутатов меджлиса, министров, генералов и других руководителей, направлявших внешнюю и внутреннюю политику страны. Летом 1941 года в Иран прибыл руководитель Средневосточного отдела германской разведки фашист Гамотта и его помощник Майер. Они создали диверсионные отряды для переброски на территорию СССР. Из белогвардейцев, дашнаков и муссаватистов, бежавших в свое время в Иран, они подготовили группы, которые должны были быть переправлены в нефтяные районы Баку и Грозного. Придвинув при помощи Резы-шаха к границам СССР части иранской армии, гитлеровцы стали производить топографические съемки, фотографировать. Участились пограничные инциденты. В Иране широко развернулась антисоветская пропаганда, в Тегеране стал издаваться фашистский бюллетень, большинство газет развило безудержную антисоветскую травлю. На пятницу 22 августа 1941 года был назначен военный переворот, первым действием которого было бы убийство всего состава посольства СССР и поголовное избиение всех проживающих в Иране советских граждан. Советское правительство трижды, специальными нотами от 26 июня, 19 июля и 16 августа 1941 года, предупредило о могущих быть последствиях, но шах и правительство Ирана не обратили на эти предупреждения никакого внимания и продолжали свою преступную политику, готовя удар в спину советского народа. Тогда 25 августа, на основании статьи 6-й Советско-Иранского договора от 1921 года, наши войска в целях защиты своих границ вступили на территорию Ирана. Одновременно с запада и юга с той же целью вошли и английские войска. Кабинет Али Мансура подал в отставку, было образовано новое правительство с премьером Форуги, а 16 сентября, убедившись в провале своей политики, Реза-Шах отрекся от престола в пользу своего сына Мохаммеда-Резы, после чего выехал из Ирана. Часть германских фашистов бежала, другая была задержана, но большая половина их ушла в подполье, продолжая свою деятельность. Как вам, вероятно, известно, в 1942 году американцы высадили свои войска в Иране, заняли порт Бендер-Шахпур и всю Трансиранскую железную дорогу от Персидского залива до Тегерана. Вслед за этим госдепартамент и военное министерство США послали в Иран две военные миссии, одну – для иранской армии, другую – для жандармерии. Притаившиеся на время фашистские шпионы и диверсанты

подняли головы. В то время как на Западе и Юге нашей страны идут кровопролитные бои, в Иране вновь взрываются склады с боеприпасами, в которых так нуждается наш фронт. Горят закупленные у Америки за золото припасы, провиант, обмундирование. Подрываются железнодорожные мосты, гибнут сотни тонн купленного, принадлежащего нам имущества, а американская охрана, несмотря на принимаемые меры, не в силах найти виновных и пресечь преступления.

Ввиду этого для совместного контроля и охраны грузов и путей в Иране создается смешанная на паритетных началах Англо-Американо-Советская комиссия... – Андрей Андреевич умолк, а генерал продолжал его речь:

– Полноправным членом с советской стороны назначен генерал-майор Степанов, полковник Дигорский – заместителем. Теперь вы понимаете, почему вас отозвали с фронта? Там, в Иране, на крайне ответственном месте, должны находиться люди знающие, смелые, знакомые с языками, бытом и историей страны. Люди военные, политически подкованные, такие, которым Родина может доверить это крайне сложное дело. После зрелого обдумывания командование нашло ваши кандидатуры самыми подходящими, но помните, что ваша командировка кратковременная. Как только вы создадите нормальные условия для охраны, установите правопорядок и организуете нормальную службу пути, вас сейчас же отзовут обратно. Вы нам нужны и здесь. Все!

Мы поднялись с мест, генерал жестом усадил нас обратно и продолжал:

– Работать будет нелегко, в сложной и запутанной обстановке. Вас будут окружать люди, из которых кое-кто станет стремиться сорвать вашу работу и дискредитировать Советскую страну в глазах простого иранского народа. Мы знаем о покушении на вас, будьте уверены, что это не последнее... Если на фронте, на нашей территории, эти мерзавцы пытались уничтожить вас, то там, в Иране, они повторят свои попытки. Вы – востоковеды, боевые офицеры, испытанные люди, и заменить вас сразу такими же подходящими кандидатами нелегко, а неделя или месяц без нашего глаза и контроля это значит – тысячи тонн погибшего необходимейшего для нас груза. По соглашению с союзниками, вы оба и уполномоченные вами люди будут беспрепятственно пропускаться по всем шоссейным путям, караванным дорогам, станциям и караван-сараям, а также и по всей Трансиранской дороге. Американцы несут ответственность за грузы, доставленные до Тегерана, а от него до Бендер-Шаха вся ответственность за грузы ложится на вас. Это значит, что германо-иранские

фашисты центр всех диверсий перенесут на этот отрезок пути. Мы по договоренности платим американцам только за те грузы, которые в исправном состоянии будут переданы нам в Тегеране. Американцы приняли все меры к тому, чтобы в их зоне действия подобных инцидентов не было. Но никто не гарантировал нас – генерал усмехнулся, – что на территории, отведенной нашей зоне, диверсии прекратятся.

– Насколько беззастенчивы почувствовавшие себя безнаказанными фашисты, вы можете судить уже по одному тому, что крупный германский шпион Артель, фашист и бывший представитель фирмы «Крупп» фон Раданович, бывший «представитель» фирмы «Сименс», а на самом деле убийца и диверсант Вольф, гестаповец и палач Краузе, прикрывавшийся документами «Иран-экспорта», переменяя подданство на испанское и португальское, сейчас приняты на работу в различные торговые и нефтяные общества. Думаю, что вам придется встретиться с этими негодями, так как новое подданство и документы служащего нефтяного общества или концерна могут предохранить их от наказаний, – сказал Андрей Андреевич.

Мы проговорили до вечера.

За обедом, в ресторане отеля, я предложил генералу пойти в Большой театр.

– Не могу. Ночью я должен быть в штабе.

– Очень жаль, – сказал я, – придется идти одному.

Мы пообедали и вернулись в свои комнаты.

Спустя полчаса я пошел в театр, а генерал снова поехал в штаб.

Шел «Сусанин». Я пробрался к своему месту и едва успел сесть в кресло, как потух свет и оркестр величественно начал увертюру.

Новое назначение, такое неожиданное и почетное, взволновало меня настолько, что даже гениальная музыка Глинки не могла рассеять мои мысли.

«Вот она, судьба солдата. Вчера война, фронт, сегодня Москва и Большой театр... завтра – Тегеран».

– Простите, нет ли у вас программы? – спросили сбоку.

Тут только я заметил, что сидел рядом с красивой, хорошо одетой дамой, державшей в руке маленький перламутровый бинокль.

– К сожалению, нет... я еле успел к началу, – ответил я. Сидевшая слева женщина, расслышавшая наш шепот, взяла у своего соседа программу и, не сводя глаз со сцены, коротко сказала:

– Пожалуйста!

Я передал программу даме справа и снова погрузился в свои мысли и то возбужденное одухотворенное состояние, которое создает музыка.

В зале была напряженная тишина.

Ко мне на колени легла программа, и тихое «благодарю» чуть донеслось до меня.

В антракте я пошел покурить. Зрители были на три четверти военные. Погоны, ордена, нашивки. Женщины и мужчины заполнили курительную комнату.

Докурив папиросу, я пошел к выходу и тут снова встретил мою соседку. Она стояла ко мне спиной и не видела меня. В зеркале, висевшем на стене, я хорошо рассмотрел ее. Это была красивая женщина среднего роста, свободно и спокойно державшаяся в толпе. Не докурив папиросы, она небрежным движением бросила ее и пошла в фойе. Шла она быстро, не глядя по сторонам, по-видимому, торопясь на свое место. Я шел поодаль, лавируя между прогуливавшимися людьми. Почти у самого входа из сумочки моей соседки что-то мягко, без стука выпало на ковер. Это был бинокль. Пока я поднимал его, соседки уже не было.

Войдя в зал, я увидел ее в кресле.

– Простите, гражданка. Посмотрите, не потеряли ли вы чего, – сказал я.

– Кажется, ничего... а в чем дело? – раскрывая сумку, сказала она. В голосе ее были недовольные нотки.

Лицо ее изменилось.

– Бинокль... я потеряла бинокль.

– Вот он! Вы уронили его в фойе. – Я вынул из кармана изящную вещичку и отдал ее.

Зал быстро заполнялся. Над пюпитром показалась голова дирижера.

– Благодарю вас... Мне эта вещь ценна как память... – сказала моя соседка.

Начался второй акт.

В антракте мы побродили по фойе театра, выпили по стакану кофе и вернулись в зал уже знакомыми. Она вдова, муж ее летчик, погиб в самом начале войны. В Москве она проездом и на этих днях уезжает... Куда? Очень далеко и, возможно, надолго. Она переменяла тему разговора.

Елена Павловна, так зовут ее, много читала, знает английский и французский языки и когда-то «в молодости», – как, улыбаясь, сказала она, – «даже снималась в кино».

В половине двенадцатого ночи мы вышли из театра. Была серебристая лунная московская ночь.

– Извините меня, Елена Павловна, но я не могу проводить вас. Завтра мне надо рано вставать.

– Я как раз хотела попросить вас об этом. Я не люблю «случайных» знакомств, хотя сегодняшнему очень рада. До свидания, а вернее, прощайте, так как вряд ли мы встретимся когда-нибудь.

Генерала еще не было, и я один стал готовиться к отлету. Раза два мне вспомнилось красивое лицо и ласковый грудной голос моей новой знакомой, но сейчас же я отогнал от себя налетевшие мысли.

Подальше от всего, что не относится к тому, что ожидает меня в Тегеране.

Часть вторая

Раннее утро только поднималось над столицей. Чуть покачиваясь под нами, бежал, обрываясь, подмосковный лес, станции, дачные места, поля, речки, огороды и снова леса... Как далеко теперь была от них война и как же близко подошла она к нам в 1941 году.

Самолет поднимался все выше, земля все быстрее неслась книзу. Я взял карту и стал разглядывать маршрут полета. Первая остановка Сталинград, место недавних жестоких боев, следующая – Астрахань, Махачкала и Баку.

Генерал дремал в кресле, и я видел лишь его затылок. Мерно, в такт машине, генерал покачивал головой. Рядом с ним сидел флотский подполковник с медицинскими погонами, двое генералов, работников штаба Закавказского фронта. Трое солдат, охранявших военный груз, направлявшийся в Махачкалу, да стрелок, неотступно сидевший возле своего пулемета, – вот все, кто, кроме пилота, находились в самолете.

Уже через час после начала полета мне захотелось есть, и, достав из ручного саквояжа бутерброды и несколько крутых яиц, я предложил генералу позавтракать.

Мой начальник охотно закусил и снова задремал так уютно, что и я, сложив карту, последовал его примеру.

Мы проснулись, когда самолет, резко идя на снижение, опускался на огромный военный аэродром возле Сталинграда. Это был один из тех знаменитых аэродромов, с которых совсем недавно взлетали наши боевые самолеты.

Но вот Сталинград остался далеко позади. Волга причудливо вьется вниз.

Степь по обеим сторонам Волги, желтая, без жизни и без зелени, утомляет глаз.

– Александр Петрович, – обращается ко мне генерал и дальше уже по-персидски продолжает: – Этот проклятый «дом с привидениями» не дает мне покоя даже здесь. Мне кажется, что за Каспийским морем это дело еще не раз встретится нам.

– На территории Ирана?

Генерал кивнул головой.

Медицинский подполковник, читавший газету, повернулся к нам:

– Ба! Кажется, тоже востоковеды... – И, перейдя на фарсидский язык, он представился: – Старший врач Казвинского военного госпиталя, подполковник Галаев. Был в Москве, теперь возвращаюсь обратно в Иран.

Мы обменялись рукопожатиями, поговорили о разных пустяках, но уже на аэродроме в Астрахани генерал недовольно сказал:

– Вот урок обоим нам... Мы забыли о том, что фарсидский, как и любой другой язык, кроме нас, могут знать еще немало людей... Хорошо, что случилось здесь, под небесами.

Из Астрахани в Махачкалу летели почти все время над морем. Сначала широкая при впадении в Каспий Волга, с ее разветвленной дельтой, с сотнями судов, парусников, с многочисленным населением по берегам каналов, затем зеленовато-синее, спокойное море захватили нас. Смена пейзажа была мгновенной, и мы подолгу не отрывались от оконцев, глядя на могучую водную гладь, раскинувшуюся внизу.

В Махачкале мы заночевали, а рано утром вылетели в Баку.

Баку, благоухающий и нарядный, с его красивыми улицами, чудесным бульваром, богатыми домами-дворцами, произвел на меня большое впечатление.

Город нефти, поднявшийся над морем, был чист, ярок и светел. Надо очень уважать свое дело, любить людей, беспокоиться за их здоровье, чтобы суметь сделать так, что ни запаха, ни пятнышка, ни пылинки не чувствовалось на улицах благоустроенного, великолепного города.

Гостиница «Европа», где нам отвели два номера, была заполнена военными. Баку – это перепутье, перекресток, откуда идут две важные дороги: одна – в Грузию, другая – на Иран, к Персидскому заливу, где начинается Трансиранская железная дорога.

Генерал уехал в штаб, я же остался в номере, так как хотел просмотреть последние иранские газеты, комплект которых любезно предоставили нам местные товарищи-востоковеды.

Передо мной лежала стопка газет: «Мардом», «Сетарее Иран», «Дад», «Иране Ма», «Эттелаат», «Кейхан». Я уже отвык от буржуазных газет, добрая половина которых была занята происшествиями, сплетнями тегеранского общества и новостями шахского двора. Вместо деловых статей в них печатались бульварные романы с продолжениями из номера в номер.

В Европе земля тряслась от грохота орудий, тысячи самолетов днем и ночью бомбили изрезанную окопами, сожженную огнем, опаленную взрывами землю, а здесь редакторы и сотрудники газет писали и печатали великосветскую придворную чепуху. О войне давались только сводки, причем события 1941 и 1942 годов преподносились в этих газетах явно в германофильском и особенно враждебном нам духе. О союзниках, Америке и Англии, говорилось неясно и в полутонах, но ненависть к Советскому Союзу в дни 1941 года была совершенно очевидна. Дальше тон менялся, наши победы, отречение Реза-Шаха, ввод советских и англо-американских войск в пределы Ирана принесли с собой и смену настроений. Те же газеты заговорили уже в другом тоне, но и тут, сквозь строки, через прозрачный флер различных «обзоров», «фельетонов», «высказываний», «интервью» политических и общественных деятелей ясно чувствовалось холодное, неприязненное отношение к нам, и рядом – низкопоклонные, захлебывающиеся от лакейского восторга статьи, восхвалявшие Америку.

О победах советских войск и отходе немцев под ударами наших армий сообщалось в общих фразах, но тут же очень хитро и многозначительно говорилось, что, если бы не Америка и не ее помощь, советские войска никогда

не добились бы успеха.

Рассказывая в двух-трех строках о героях Сталинграда, газеты ни к селу ни к городу отводили много места описаниям боев американской армии с испанцами в 1898 году или эпизодам из войны англичан с русскими во время Крымской кампании 1854–1856 годов. Тут уже газетчики не скупились на расписывания мифических подвигов сержанта Джона или капрала Торенса, нанизывавшего на саблю по 10–15 русских или испанских солдат. В пространных статьях говорилось о мощи и богатстве Америки, о морских базах Англии, о том, сколько миллионов народонаселения мира говорит на английском языке.

Изредка проскальзывала заметка о том, что в Советском Союзе голод, в Сибири – чума, в Архангельске – восстание. Словом, даже для менее искушенного читателя, чем я, было очевидно, что газетами Тегерана после ухода германофилов управляет весьма тенденциозная рука.

Сначала я делал заметки, выписки, отчеркивая то или другое место, но затем утомился. Почти все газеты были одинаковы и ничем не отличались одна от другой, хотя на всех напечатан горделивый заголовок – орган «демократической», или «социалистической», или «беспартийно-независимой» мысли. И только один «Журналь де Тегеран» да близкая к придворным кругам «Кейхан» не изменили своего постоянного лица, печатая, как и раньше, из номера в номер, сообщения о великосветских событиях и новостях иранского двора. Тут вперемежку шли и назначения на посты вельмож и знатных генералов, и светские сплетни, и слухи о замужестве или разводе той или иной высокопоставленной особы, или же заметки о придворном балете.

Интересны были также и объявления, в которых рекламировалась только американская продукция, начиная от резиновой жвачки, напитка «Кока-Кола» и вплоть до машинных станков и полицейских автомобилей фирмы «Форд».

Читая объявления, я невольно обратил внимание на то, что в трех газетах: «Дад», «Кейхан» и «Эттелаате» на протяжении последнего месяца из номера в номер ежедневно печатали на видном месте одно и то же объявление.

ОККУЛЬТИЗМ И МАГИЯ

Гипнотизер и волшебник, ученик знаменитого мага Шу-Фо, изгоняет бесов и привидения. Вызывает духов, а также и тени ваших умерших близких. Объясняет таинственные силы природы и явления загробной жизни. Нервных просят не приходить.

Адрес: улица Шапура, дом 41.

Гипнотизер-волшебник – Го Жу-цин.

Все три газеты отпечатали на своих страницах эту средневековую чертовщину.

– Вот, не угодно ли, – показывая газеты вошедшему в комнату генералу, сказал я. – Духи и привидения преследуют нас даже в Иране.

– Мне кажется, именно там они станут показывать себя, – без улыбки ответил генерал. – Собирайте чемоданы, нынче ночью в двадцать два тридцать отплываем в Пехлеви...

– Как Пехлеви? А разве не самолетом до Тегерана?

– Нет!.. Кое-что изменилось. Ночью уходит пассажирский пароход «Тургенев», на нем нам отведена каюта. Утром уже будем в Пехлеви, а эти газеты, – он кивнул на разложенные по столу листки, – захватите с собой. В дороге читаем. Ночь-то велика, успеем выспаться...

Я внимательно посмотрел в его спокойное лицо.

– Что-нибудь изменилось?

– Нет, за исключением того, что нам придется в Пехлеви задержаться на день. Там нас ожидает американский генерал Даббс, член Военной Союзной Комиссии по эксплуатации иранских дорог. Американец на несколько дней летит в Москву, но, узнав о нашем предполагаемом приезде, задержался в Пехлеви для того, чтобы встретиться с нами и наметить пути будущей совместной работы.

Я стал собирать чемоданы. Уложив их, я пошел прогуляться на приморский бульвар.

Я недолго бродил по улицам вечернего Баку, так как мысль о скором отъезде все же беспокоила меня.

Задумавшись, я не спеша шел по проспекту Ленина, подходя к знаменитому «Парапету», о котором считают нужным писать решительно все журналисты, посещающие Баку.

Внезапно я услышал позади себя английскую речь и, чуть посторонившись, пропустил группу английских военных, шедших с двумя дамами. Они, шумно смеясь и о чем-то оживленно разговаривая, прошли мимо меня. Все это случилось так быстро, что я не успел даже оглянуться и увидеть лицо кого-либо из них, и только красивый грудной голос одной из дам, весело сказавший шедшему с нею офицеру: «О, сэр Джемс, я всегда была уверена, что вы даже в джунглях Азии останетесь джентльменом и европейцем», – запомнился мне.

Вероятно, это были сотрудники какой-либо торговой или военной миссии, каких в эти дни было много в портовых городах Союза. Я проводил глазами кремовой плащ-пальто дамы, ее белокурые выбившиеся из-под шляпы локоны и, перейдя Парапет, пошел к гостинице.

В 22 часа 30 минут пассажирский пароход «Тургенев» отошел от пристани. Мы с генералом стояли у окон каюты и, опершись о поручни, смотрели на толпу, провожавшую пассажиров, едущих в Иран. Среди отъезжающих были и персиянки с мужьями и детьми, шумно и суматошно погружавшиеся на пароход. Их беспокойные голоса, взволнованный вид, обилие чемоданов, тюков и ковриковых сум несколько нарушали чинную степенность посадки. Почти перед самым отходом, когда рабочие взялись убирать трап, из вокзала выбежали три англичанина в военных костюмах, две дамы и пожилой штатский господин, за которым шофер и носильщики несли два обитых медными полосами чемодана и весь оклеенный багажными и отельными ярлыками саквояж. Пограничники осмотрели их бумаги, и лейтенант, командир контрольного поста, отдавая честь, вежливо сказал:

– Прошу.

Англичане поднялись на пароход, направляясь к своим каютам. Издав последние прощальные гудки, «Тургенев», отчаливая от пристани, развернулся и, выйдя на курс, стал набирать скорость. Легкое подрагивание корпуса, шум машин и характерный звук бегущей за кормой воды усиливались. Огни города стали уходить вглубь. Баку отступал, уменьшался и вдруг разом растаял в темноте.

– Остров Нарген, – сказал генерал, указывая на новые огни, показавшиеся слева по борту «Тургенева».

Оба яруса пассажирского парохода были полуосвещены, и в их полумраке виднелись проходившие по коридору или прижавшиеся к перилам люди.

Ветер свежел, ночь становилась прохладней, и море, осветившееся луной, засеребрилось, заплескалось в чешуйчатых, сверкающих блестках игравшей под ветром воды.

– Какая красота!.. Какие краски!.. Ни один поэт и никакой художник не сумеет описать такую чудесную ночь! – слышалась в стороне английская речь.

Я прислушался. Это был тот же голос, грудной, приятный, низкого, бархатного тона, который я сегодня слышал у Парапета.

– С чем можно сравнить это море играющих, сверкающих, я бы сказала, звенящих блесток, скажите сразу, сэр Джемс?

– Э-э, могу... с серебром и со слитками золота, хранящимися в подвалах Королевского казначейства в Лондоне, – ответил бас.

Англичане расхохотались.

– Сребролюб, лишенный фантазии, – тоже смеясь, проговорила незнакомка.

– Однако становится свежо... Пойдемте-ка в каюту, почитаем на сон грядущий газеты, – сказал генерал, и мы вернулись в уютную каюту, где ждала нас кипа иранских газет.

Утром я вышел на палубу. Впереди, в голубой пелене мглы, теплого воздуха и горячих лучей персидского солнца, вставал Пехлеви.

Справа – зеленый островок, на котором расположились все учреждения и управления города. Слева – Казьян с его отлогим берегом и нешироким входом в отличную Энзелийскую гавань. Вон белая, широкая лента прекрасного шоссе, бегущего отсюда через Решт и Казвин к Тегерану. У Казвина от него ответвляется дорога и идет к Хамадану и дальше на Керманшах. Шоссе еще в начале нашего столетия было построено русскими инженерами, русскими мастерами на русские деньги и в 1918 году волей революционного русского народа по декрету Ленина безвозмездно передано Ирану. Да разве одна только эта дорога? А богатейшие рыбные Лианозовские промыслы на берегу Казьяна, а аннулированные долги Персии царскому правительству, а многочисленные суда, здания банков, консульств?..

Интересно, помнят ли правители этой страны о таком большом и великодушном акте Советского правительства или они продолжают вести враждебную нам политику бывшего Шаха-Реза?

Берег приближается; вот явственно видны зеленые апельсиновые рощи, в которых тонет Пехлеви. По шоссе, в сторону Хуммамской заставы, бегут автомобили. Держа курс на Хамадан, уходит большой транспортный самолет.

«Тургенев» останавливается на рейде и один за другим дает три густых коротких гудка, затем долго и надрывно ревет. Из порта ему отвечает тоненький, срывающийся гудок, и спустя несколько минут из-за плеса вылетает небольшой катерок. На носу катера развевается зеленый иранский флаг со львом и солнцем посередине.

Это таможенный надзор и пограничная стража, не так уж необходимые сейчас, в условиях военного времени, но «таков порядок», и «Тургенев» стоит на своем месте, ожидая дымный, шумно сопящий катерок.

За ним показывается лодка с лоцманом, и, спустя несколько минут, наш пароход осторожно идет между мелями и узким «горлом», ведущими в широкий пехлевийский порт.

Когда мы спустились на берег, англичане еще не показывались из своих кают, хотя у пристани стояли три легковые машины, на радиаторах которых были маленькие британские флажки. Двое белозубых, рослых «томми», попыхивая сигаретками, выжидательно смотрели на палубу парохода.

Шумная, кричащая толпа встретила нас на берегу Казьяна. У сходней плескались грязные волны залива, на которых плавали арбузные корки, темнели жирные, нефтяные пятна, желтела кожа апельсиновых корок, бумаги, щепки... На берегу сутились продавцы винограда, изюма, яблок и орехов, длинных, похожих на портянку, хлебов-лавашей. Какой-то старик, вытягивая из-под рваной рубахи бутылку водки, предлагал ее всем сходявшим с парохода. Плохо одетые «ажаны», полицейские, с уныло-безразличным видом прохаживались тут же, время от времени выкрикивая – «боро» (пошел, проваливай) и замахиваясь на нищих черными, бамбуковыми палками. Было видно, что они не пускали их в ход только потому, что тут же стояло несколько наших шоферов-красноармейцев и что пришедший пароход был советским.

К нам подошел комендантский офицер и, приложив руку к козырьку, осведомился о наших фамилиях, после чего сказал:

– Товарищ генерал, старший лейтенант Кривцов докладывает, что автомобиль военного командования с шофером, сержантом Головко, прибыл за вами.

Усадив нас, он сел рядом с шофером, и машина помчалась по узкой, обнесенной глиняными стенами, улочке. Запах магнолий и апельсиновых рощ окутал Казьян.

Часа два спустя после нашего приезда в Пехлеви мы отправились к генералу Даббсу, уже ожидавшему нас. Это был типичный «штатский» генерал, каких много среди американских деловых людей, на время войны надевших военную форму, но и по характеру, и по образу своей жизни оставшихся глубоко штатскими людьми. Даббс – член конгресса, один из хозяев Питтсбургской акционерной железной дороги и директор пароходного общества «Ураниум» в Бостоне. Американец, человек лет шестидесяти, был свеж, розов, весел; он часто оглушительно хохотал, показывая безупречно сделанные белоснежные зубы. Наша беседа затянулась до обеда, но ничего конкретного в ней не было, разве лишь то, что генерал неоднократно повторял, что с американцами нам будет работать легко, но вот с «остальными», – тут, подняв вверх палец и

покачивая головой, Даббс подчеркнул: «Будьте осторожны!»

Мы пообедали вместе, так и не поняв, зачем, собственно говоря, задержал нас здесь на сутки этот розовощекий здоровяк-американец.

Часам к шести вечера мы вернулись в помещение «Иран-рыба», где разместился штаб местного гарнизона.

Еще засветло мы поехали по шоссе, протянувшемуся вдоль берега Казьяна. У разветвления дороги генерал остановил машину и, указывая вдаль, туда, где море слева вплотную подходило к шоссе, а справа, также вплотную, стояли болотистые рисовые поля, задумчиво сказал:

– Вот тут двадцать восьмого апреля 1920 года я с десантной группой моряков перерезал путь бежавшим к Решту белогвардейцам, – он медленно провел ладонью по лицу и, словно нагоняя воспоминания, продолжал: – Вот там, где белеют гребешки волн, стоял наш миноносец «Яков Свердлов». Сбоку, в полукабельтове от него, – «Зевин», а ближе к порту, на рейде, – вся Волжско-Каспийская флотилия с десантными судами, с плавучими батареями и баржами. Оттуда били судовые калибры, а тут, – он указал на берег, – стояло двадцать восемь тяжелых английских орудий. Здесь – двенадцать полевых. Весь порт был забит англичанами и беяками. Но мы на заре так неожиданно ударили по ним, что ни одно орудие не успело сделать и выстрела. «Защитники» берега, – он усмехнулся, – побежали, бросив все: орудия, казармы, склады. Белые, как перепуганные зайцы, заметались куда попало – кто на шоссе, кто к заливу. Одни к Казьяну, другие к Энзели, третьи – прямо по рисовым болотам... а тут уже мы их на перешейке встречали. Представляете – картина. Вылощенные дамы, изящные барыньки, офицеры в погонах с разными крестами и регалиями, тут же сипаи, индусы, английские солдаты, сестры милосердия, толстые купчины, попы. Кто пешком, кто на автомобиле, кто верхом, на велосипедах, в таратайках и колясках... А тут мы, матросня двадцатого года, солдаты гражданской войны, только что разгромившие Деникина и Колчака. А с моря все новые и новые шлюпки, десанты, прямо из воды, по колено в волне, топают... Одних орудий больше семидесяти штук захватили, а пленных англичан целыми батальонами. Вот тут в колонны ставили и обратно в казармы отводили. А белых, – генерал махнул рукой, – тысяч около четырех... Склады оружия, продовольствия, военного снаряжения, госпитали, все без единого выстрела попали в наши руки и, конечно, все суда Каспия, нагруженные разным уворованным белыми добром.

В это утро мы в полной сохранности вернули нашей тогда молодой Советской республике все бесценное добро.

– Я слышал об этом боевом эпизоде, – сказал я, – но не знал, что вы принимали в нем участие.

– Принимал, – просто ответил генерал, – был десантником матросом, а не говорил, потому что повода не было к тому. Мне кажется, что именно тогда, вот на этих-то берегах Энзели, и зародилась во мне любовь к Востоку.

Он надел фуражку, и машина двинулась обратно, но генерал еще долго молчал, уйдя в воспоминания своей юности, прошедшей в грозе и грохоте гражданской войны.

Мы вернулись в Пехлеви. Утром надо было улетать в Тегеран. Вместе с нами должен был лететь и прикомандированный к нам уже здесь, в Пехлеви, старший сержант Сеоев.

Сеоев, огромный человек, по национальности осетин, свободно владел фарсидским языком. Еще до войны он работал шофером смешанного советско-иранского общества «Ирантранс» и отлично знал дороги, быт, условия и нравы Ирана. Он – коммунист, участник боев за Кавказ, откуда после ранения под Моздоком был переведен в нестроевые и послан в Иран для использования по месту прежней службы.

Сеоев, нацепив на себя трофейный пистолет и летный кортик, снятый им с какого-то немецкого «асса», уже с вечера готовился к отъезду.

Генерал молча просматривал последние иранские газеты.

Вдруг, взяв в руки лежавшую перед ним газету, он отдельно прочел:

– «Отдел разных событий и происшествий. Ожидается приезд в нашу столицу двух известных востоковедов, положивших немало труда на изучение Ирана и населяющих его племен, генерала Степанова и полковника Дигорского».

Я удивленно посмотрел на него.

– Но это еще не главное, – и он стал читать дальше: – «Много потрудившись в обстановке боев и трудностей походной жизни, эти ученые господа смогут отдохнуть в нашей гостеприимной стране и заняться делами, которые возложены на них».

Он почесал лоб и задумчиво сказал:

– Интересное сообщение, хотелось бы знать, откуда оно поступило в газету и зачем, собственно, нужно было нас возводить в ранг «ученых» и публично оповещать об этом.

Достав папку со своими делами и обведя напечатанное красным карандашом, генерал вложил газету в папку.

Утром по Рештскому шоссе мы выехали в район Решта, где находился аэродром, с которого на военном самолете должны были вылететь в Тегеран.

Слева было море, справа – заболоченные рисовые поля. Шоссе бежало к зеленеющим впереди лесам. Вот и Хуммамская застава, дальше Решт. Автомобиль несся в густой тени обступившего шоссе леса.

– Приближаемся к местам, где в двадцатом году хозяйничал Кучик-Хан – вождь «лесных братьев» дженгелийцев. Человек глупый и предатель, изменивший делу революции, перебежавший к Реза-Шаху и бесславно казненный им, – сказал генерал. – Вот, – указывая на видневшийся сквозь деревья каменный особняк, продолжал он, – бывшее царское консульство. Здесь у нас был серьезный бой с англичанами, в результате которого мы отбросили их к Решту, а вот там, на лужайке, в момент боя взбунтовался целый батальон индусов и, выбросив красные флаги, перешел к нам...

Сеолев, полуобернувшись со своего сиденья, восторженно слушал генерала.

– И долго вы были здесь? – спросил я.

– С момента возникновения и до дня ликвидации Персидского фронта, то есть с апреля 1920 года по осень 1921 года. Перед нами стояла английская

месопотамская армия генерала Томсона и персидские войска, тогда еще военного министра Персии, Хана-Резы. Тесня тех и других, мы выбили их из Решта, Гиляна и всего Мазандерана. Фронт дошел до ущелья и перевала Менджиль. По ту сторону они, по эту – мы... Уж очень трудно было перейти это глубокое, без дорог, ущелье, через которое был перекинут единственный во всем районе мост, минированный и охраняемый целым полком пехоты, артиллерией и броневиками англичан.

– О-о, я много раз водил машины через Менджильский мост, – сказал Сеоев, – ущелье глубокое, кругом скалы, совсем дикое место.

Машина вынеслась к опушке, возле которой прохаживался часовой; показался офицер с красной повязкой на рукаве. На разветвлении дорог стоял столб с двумя стрелками, на одной из них черной краской было написано: «“Пенза”. Хозяйство Степанова». На другой: «“Тамбов”. Хозяйство Соборова».

Второе – Соборова – был аэродром, и мы, показав свои удостоверения и пропуска, свернув на «Тамбов», спустя десять минут уже очутились на вместительном и уютном аэродроме, приспособленном для взлета и спуска как легких, так и тяжелых военных самолетов.

Соборов, пожилой, веселый и любезный полковник, прежде чем посадить нас в уже поджидавший самолет, заставил, как он говорил, «по летному обычаю», выпить по стакану виноградного вина – «за счастливый отлет», и только после этого мы вдвоем поднялись в воздух и, сделав круг над аэродромом, взяли курс на Тегеран.

Утро было теплое и ясное. Воздух чист и так прозрачен, что синевшее слева море, расстилавшееся под нами леса и высившиеся впереди горные кряжи были словно нарисованы в своей неповторимой красоте. Мы летели уже довольно долго. Самолет шел, ускоряя полет, ревели моторы, свистел ветер, и нельзя было расслышать того, что хотел сказать Сеоев, показывавший пальцем вниз.

Генерал взглянул, кивнул ему утвердительно головой и, достав из кармана блокнот, коротко написал: «Менджиль... ущелье и мост, о котором говорил».

Пригнувшись к оконцу, я посмотрел вниз. Длинная глубокая трещина разрывала горы на две части. Темнел перекинутый через нее кирпичный мост. Шоссе

обрывалось на одном и продолжалось на другом конце моста, а под ним, на большой глубине, билась и сверкала, ниспадая с камней, горная река. Да, такое препятствие, да еще с помощью техники 1920 года, мудрено было осилить.

За Менджилем колорит местности изменился. Горы разошлись в стороны, и на широком плато, в дымках знойного субтропического утра стали показываться селенья, сады, дороги.

Самолет снизился и шел прямо над ровным как лента шоссе. Замелькали автомашины, конные транспорты, караваны, пешеходы, засверкали реки, показались пахотные поля, арыки, и, наконец, огромным черным, окутанным пылью и голубой мглой, встал Казвин – один из крупнейших городов Ирана.

Мы летели над садами, улицами, площадями и зданиями города. С высоты было видно своеобразное смешение прямых и широких обсаженных деревьями проспектов с бегущими под ними арыками и кривых, пыльных, безводных переулочков и тупичков; больших площадей с цветной мозаикой мечетей, с голубыми куполами, с высокими богатыми домами и кварталов с прилепившимися друг к другу маленькими саклями, нищенскими пристройками без единого деревца во дворе.

Еще мгновение – и Казвин остался позади. Самолет шел на Тегеран.

На горизонте выступала из мглы темная гряда гор, а в стороне от них, вынырнув прямо из воздуха, поднялся белоголовый, снежный хребет Эльборус, у подножья которого в зелени и неге раскинулся Тегеран. Но до него не близко, и самолет все неся в сторону сверкавшего своими льдами Демавенда.

Прошло уже пять дней, как мы прибыли в Тегеран. Нам сразу же пришлось окунуться в сложную организационную работу. В основном она состояла из составления ориентировочного плана работы по управлению и охране переходившей под наше наблюдение северной части Трансиранской железной дороги, а также и всех шоссе, проселочных и караванных путей, шедших к Бендер-Шаху и другим портам Каспийского моря. Надо было из небольшой приданной нам группы офицеров создать штаб управления, найти помещения, позаботиться об аппарате, установить тесную связь с командованием наших войск, обеспечить охрану и безопасность личного состава и сделать еще много

непредвиденного, на что уходит немало времени, напряжения и труда. И, наконец, мы должны были встречаться как с руководителями англо-американских союзных отделов координации, так и с представителями иранского министерства путей сообщения, а все это означало, что не только дни, но и часы нашего пребывания в Тегеране были расписаны по графику.

На следующий день после прилета мы явились с официальным визитом к управляющему американским сектором Трансиранской железной дороги генералу Чейзу. После обычных учтивых и ничего не говорящих фраз генерал вдруг сказал:

– Как я сожалею, господа, что вы не были вчера в столице... Ведь вы так были необходимы здесь...

На наш вопрос, что же произошло день назад в Тегеране, американец сказал:

– Была полуофициальная встреча всех управляющих союзными секторами и зонами дорог с представителями директората железных дорог Ирана. Ввиду отсутствия русских пришлось встречу провести без них, но протокол этого совещания вы, конечно, получите.

Выкурив по сигарете и выпив по рюмке ликера, мы распрощались с американцем.

Утром я вышел на веранду, где сидел генерал. Тут же был прекрасно одетый господин, сбоку от него сидели два иранских офицера в полковничьих погонах. Генерал представил нас друг другу. Господин Митчелл – историк и археолог, один из давно живущих здесь членов американской колонии. Полковники – офицеры гарнизона столицы, кавалеристы, бойко говорили и по-русски и по-английски. Когда мы уселись, разговор снова вернулся к теме, оборвавшейся при моем появлении. Митчелл расспрашивал генерала о великой Орловско-Курской битве, только что закончившейся на полях нашей страны.

– О-о, это будет иметь для войны не меньшее значение, чем Сталинград!.. – восторженно сказал он.

Полковники закивали головами.

Мне после долгой кабинетной работы хотелось прогуляться по улицам Тегерана.

Посидев минуты две, я извинился и вышел на улицу.

Несмотря на обилие зелени и бегущие арыки, воздух был знойный и неподвижный. Ни один листок не шевелился на деревьях. Огромные платаны, каштаны и карагачи сплошной шапкой закрывали небо. Белая вершина Демавенда сверкала вдали. Родники и фонтаны журчали в садах, и все-таки воздух был неподвижен и напоен ленивой, тяжелой истомой.

Проезжавший мимо «дрожке» (извозчик) остановил свой фаэтон. Такси, прятавшееся в прохладе деревьев, тихо тронулось навстречу. И извозчик и шофер с надеждой смотрели на меня. Безработица и дороговизна велики, и каждый пассажир, да еще «ференги» (иностранец) – верный заработок.

Я взглянул на худое, испитое лицо извозчика, на его угодливо улыбающееся лицо, тревожные глаза и молча сел в фаэтон. Помимо всего, я много лет не только не сидел в таком фаэтоне, но даже и не встречал их, так как они давно уже вытеснены у нас автомобилем и метро.

– Коджа мери, саиб? – приподнимая шапку, спросил извозчик.

– Мейдан, – коротко ответил я. Коляска тронулась с места.

– Яваш, яваш!.. – вдруг раздался крик сзади.

Коляска остановилась, и я увидел Соева, сбегавшего по лестнице ко мне.

– Товарищ полковник, разрешите сопровождать вас, ведь я, как свои пять пальцев, знаю Тегеран и буду вам полезен всюду, – сказал он.

– Садитесь, сержант, – предложил я, подвигаясь на сиденье, ничем не показав ему, что отлично разгадал маленькую хитрость генерала, пославшего мне в помощь этого рослого чичероне.

– Боро! – махнул рукой сержант, и коляска покатила по широким, несколько лет назад реконструированным улицам европеизированного Тегерана. Мимо бегут

нарядные «дрожке», несутся навстречу автомобили самых разнообразных марок от «Бьюика» и «Испано-Сюизы» до «Форда» и «Мерседес». Нарядные дамы с зонтами в руках, в легких шелковых одеяниях прогуливаются по бульвару. Франтоватые молодые люди полуевропейского типа, «фоколи», как их презрительно называют здесь, стоят у витрин магазинов или прохаживаются группами, громко переговариваясь меж собой. Девушки-цветочницы снуют возле них со своим товаром.

Зеркальные витрины магазинов, яркие плакаты кинотеатров, киоски с прохладительным, кафе и большие четырехэтажные дома... Здесь европейская часть Тегерана.

«Дрожке» свернул на улицу Аля од-Доуле, или «Бульвар посланников», как называют ту тенистую, всю в садах и фонтанах улицу, на которой расположены почти все дипломатические миссии Европы, аккредитованные при шахском дворе. «Дрожке» выезжает на главный проспект – «авеню Лалезар» – нерв и гордость столицы (как пояснил Сеоев). Здесь уже не Восток, а Европа, или, вернее, американизированно-европеизированный Иран.

Рослый полицейский в белых перчатках, с густыми нафабранными усами и резиновым «клобом» на боку управляет движением, регулируя поток велосипедов, экипажей, машин. На тротуарах женщины с открытыми лицами, толстые чиновники в форме, офицеры с гремящими палашами и шпорами, степенные купцы, горожане в шерстяных аба, студенты в желтых ботинках. Иногда промелькнет пробковый шлем или соломенная шляпа англичанина.

Попадают английские «томми», группами и в одиночку гуляющие по авеню. Шумные высокие американцы в шапочках-пирожках, бесцеремонно расталкивая гуляющих, идут по тротуару. Две англичанки на пони и усатый майор на огромном гунтере проносятся мимо нас.

«Дрожке» пересекает Топ-Хане (Пушечная площадь) и, стегнув по бойко бежавшим лошадям, сворачивает к базару, близость которого чувствуется и в кривых улочках, и в обилии горожанок, спешащих со своими корзинами и соломенными «зимбиями», а также в обилии нищих, которых не видно в центре и на проспектах Тегерана. Там властитель – полицейский, «ажан», здесь хозяева – купец и рынок.

Я оставляю фаэтон и, расплатившись с довольным извозчиком, иду к одному из входов в крытый тегеранский базар. Соеев, много раз бывавший здесь, шествует сбоку.

Крики, вопли, звон бубенцов и караванных колоколов заполнили воздух. Неистовый рев ослов, звонкие голоса мальчишек, зазывания купцов, выкрики нищих и вопли дервишей сливаются в общий шум.

– Хабардар (берегись)! – вопит краснобородый человек, едущий на ослике прямо в толпу. За ним видны головы верблюдов, на спинах которых покачиваются тюки. Толпа не спеша теснится, пропуская караван. Пахнет пряностями, иногда носится и запах терьяка. Духота и прохлада вместе с гамом охватили нас. Свет и воздух скупо проникают через отверстия, прорезанные в куполах крыш.

Мы прошли уже ряд галерей, но лабиринт все еще продолжается, и если бы не Соеев, то вряд ли я сумел бы выбраться из этого огромного и шумного торжища. Пройдя ремесленное отделение базара с его сапожными, портновскими и кузнечными рядами, мы выходим к месту, где торгуют продуктами питания. Здесь тоже галереи, но они шире и с просторными площадями (майдами), на которых возле наваленных горами арбузов, дынь, тыкв, яблок, огурцов и помидоров висят освежеванные туши быков, баранов, коз. Тут же вяленые кутумы, соленые окуни, судаки. Со стен свисают гроздья винограда, на земле стоят табахи (подносы) со сладостями – белыми гязи, засахаренными орехами, соленым миндалем, конфетами, медом, рахатом и гузинаками.

Груши, яблоки, хурма, инжир, гранаты, кишмиш, рис, мешки с сахаром, фасолью, банки с медом, огромные бутылки с уксусом, соль, овес, ячмень – все это выставлено в рядах, перед глазами сотен медленно передвигающихся покупателей.

– Эй, эй, вот арбу-у-з так арбуз! – несется визгливый тенорок фруктовщика.

– Балух! Ой балух-балух! – перебивает его торговец рыбой, подбрасывая над головой огромного уснувшего судака.

Десятка три полудохлых рыб еле передвигаются в большой кадке у его ног. Покупатели суют руки в кадку, шумно спорят друг с другом, одновременно торгуясь с продавцом.

– Хур-ма! Пах, пах, пах, вот ханская хурма! – ревет над ухом третий.

– Аб-хордам (холодная вода)!

Надрываются продавцы воды, размешивая пальцами кусочки льда, плавающие в сосудах.

– Райская еда – кябаб!..

– Во-от купите люля-кебаб! – поет сидящий на корточках человек. Около него жаровня, на угольях жарятся нанизанные на вертела кусочки мяса и помидоров. Сок стекает прямо на дымящиеся уголья. Ароматный запах жареного разливается в воздухе. Вокруг стоят, облизываясь, голодные бедняки. Двое мальчишек, засунув в рот пальцы, глотая слюну, смотрят, как ловкие руки продавца заворачивают дымящееся сочное мясо в тонкий лаваш.

– Только десять шай за порцию! Только десять шай! – поет кябабщик.

– Сам бы ел, да денег надо! – кричит волосатый продавец в грязном балахоне, похлопывая по кадке со льдом, в котором лежит его «султанский товар».

По базару, окруженные зеваками, медленно проходят два бородатых крестьянина. В руках – длинные однозарядные ружья, старинные «пибоди», стреляющие пулей весом чуть ли не в фунт. Это – охотники, жители Мазандеранских лесов. Впереди них плетется фигура, покрытая огромной пятнистой шкурой и увенчанная страшной головой тигра с оскаленной пастью. При ближайшем рассмотрении под шкурой тигра можно увидеть человека, изредка высовывающего наружу свое лицо.

Это – крестьяне, выследившие и убившие огромного зверя, который наводил панику на людей и скот в их районе.

Один из идущих впереди охотников останавливается, принимает воинственную позу и, потрясая ружьем, вдруг начинает кричать диким голосом:

– Правоверные! Люди!.. Сюда, сюда, скорее! Смотрите, смотрите!..

На его вопль сбегаются любопытные. Образуется большой и тесный круг.

Вращая белками глаз, охотник неистово кричит:

– Вот он, страшный зверь, пожравший сто и еще семьдесят коров и ослов в нашем районе!..

Слушатели испуганно ахают и галдят...

– ...Вот тот кровопивец, который разорвал десять бедных мусульман, мирно живших в Мазандеране. Он не щадил никого... – высоким фальцетом кричит охотник. Ему вторит другой, в свою очередь потрясая допотопным оружием:

– Этот кровожадный зверь не пощадил даже самого муллу, не говоря уже о простых людях, которых он глотал просто, как пилюли...

Зеваки вздрагивают и жмурятся. Кое-кто в толпе улыбается.

– ...Он рвал их на части, он терзал их, как злой дух, он мучил и тащил из них душу... – скороговоркой муками погибших устрашает слушателей рассказчик.

При этих словах облаченный в пятнистую шкуру полутигр, получеловек внезапно рычит, прыгает, беснуется, скачет и извивается, иллюстрируя этим поведение кровожадного зверя.

Кто-то в страхе взвизгивает, некоторые смеются, большинство же в полуиспуге, как зачарованные, сочувственно слушают удалого враля.

– Но мы, трое храбрецов, охотники со стальными мускулами и крепким сердцем, бросились на помощь правоверным... Три дня мы стерегли зверя, два дня следовали за ним, целый день бились бесстрашно с ним... и вот свирепый зверь убит нами, – кланяясь толпе, смиренно заканчивает рассказчик.

Второй охотник неожиданно вступает в дело.

– Взгляните, правоверные, на это чудовище, на его страшные ногти, на его острые зубы, на его кровавые глаза и подумайте, что стало бы с вами, если бы он встретил вас!

Все потрясенные молчат.

– А теперь возблагодарите Аллаха за то, что он спас вас от неминуемой смерти и платите, что сможете, храбрецам.

Деньги сыплют в шапку первого охотника-краснобая, но он, видимо, недовольный сбором, укоризненно кричит:

– Не скупитесь во имя Алиа! Суньте руки в карманы и бросьте сюда первую попавшуюся монету. Каждому, кто бросит, воздастся в сто раз больше.

– Не продадите ли вы ваш трофей, уважаемые господа? – раздается вдруг грудной женский голос, и, раздвигая толпу, выходит хорошо одетая дама, сопровождаемая лейтенантом.

– Да, да! Я к вам обращаюсь, доблестные нимвроды, – продолжает она, показывая на удивленно смотревших охотников. – Я хочу... ку-пить у вас шкуру этого ве-ли-колепного зверя, – раздельно говорит она, указывая пальцем в длинной шелковой перчатке то на пышный мех тигра, то на себя.

– Ин чи гофт?.. Чи михаит ханум? – удивленно переглядываясь, спрашивают владельцы шкуры. Часть толпы зашумела, загалдела, замахала, догадываясь о предложении дамы, но дело от этого не идет дальше, так как никто из присутствующих, видимо, не знает английского языка.

– Как, однако, это скучно, Генри, жить в стране, языка которой не знаешь... – устало говорит дама, – да есть ли вообще здесь хоть один, кто мог бы помочь мне купить у азиатов эту чудную шкуру? – обводя глазами толпу, продолжает она. – Ах вот, русский офицер! Хотя ни вы, ни я не знаем русского языка, но, быть может, он в состоянии.

– Вряд ли, – лениво говорит лейтенант, похлопывая стеком по ноге.

– Я говорю по-английски, сударыня, и немного знаю персидский язык, – поднося руку к козырьку фуражки, сказал я. – Если позволите, переведу ваше желание.

– О, прошу вас, прошу! Извините, что, не будучи знакомой, обращаюсь к вам с просьбой, но в этой стране азиатов европейские условности излишни. Я – Эвелина Барк, журналистка, а это – сэр Генри Марккрайт, лейтенант воздушного флота... – она смолкает, выжидательно глядя на меня.

В свою очередь представляюсь и я, раскланиваясь с офицером и его дамой.

– А теперь прошу вас, полковник, передайте этим господам, что я хочу купить у них шкуру, она очень подойдет к коврам моей гостиной.

Я перевожу озадаченно слушающим меня охотникам. Продажа шкуры, по-видимому, не входит в их планы, помолчав, они вполголоса советуются между собой о цене. Добровольные помощники из толпы громко подают голоса:

– Бери побольше, не жалея этих иностранцев...

– У них риалы мешками лежат... – просовывая голову между спорящими охотниками, шепчет один из толпы.

– Проси двести туманов, – возбужденно кричит второй.

– Триста! Разве за двести найдешь такую! – убежденно говорит какой-то зевака и, восхищенно чмокая губами, гладит шкуру зверя.

– О чем они так галдят? – спрашивает англичанка.

– Боятся продешевить, никак не найдут сходную цену.

– Пятьдесят туманов, – вдруг неуверенно говорит старший из охотников и вопросительно смотрит на меня.

Я перевожу его слова.

– Только-то? Да у нас за такую сумму я бы не купила шкурки порядочной кошки, – смеется дама и, вынув из перламутрового кошелька деньги, отдает ошалевшему от удивления, приготовившемуся к долгому спору и торговле охотнику.

– Ах, пах-пах! – с сожалением качает головой один из советчиков. – Ай, дурная голова, чего спешил! Говорил тебе, проси триста... Ищи теперь второй раз такого счастья...

Солдат, провожавший даму, перебрасывает через плечо тяжелую шкуру тигра с оскаленной мордой и под смех и улюлюканье толпы несет ее к выходу, где на площади ждет даму ее экипаж.

– Вы позволите, полковник, еще немного воспользоваться вашей любезностью? Здесь, на Востоке, европейцы должны помогать друг другу.

– Я к вашим услугам, мадам, – говорю я, к своему удивлению не видя возле себя Соеева.

Голос у женщины приятный, грудной и, кажется, тот самый, который так недавно я слышал в Баку и затем на палубе нашего парохода. Я не ошибаюсь, я мог бы отличить его из тысячи других женских голосов. Мы идем мимо торговцев, истошными криками расхваливающих свой товар.

– Хурма! Ах, пах-пах!.. Вот хурма, так хурма! Сам английский шах не сдал такой... Да я ему, неверной собаке, ни за какие деньги и не отдам ее, а вам, правоверные, только за два шая, только за два шая!.. – размахивая руками, кричит торговец фруктами.

– Какая забавная фигура, – указывая на продавца хурмы, говорит дама. – Переведите, пожалуйста, что он говорит.

Я слегка замялся, желая смягчить фразу, так красочно сказанную иранцем.

– Не стесняйтесь. На Востоке я научилась слышать самые разнообразные выражения, – заметя мое смущение, говорит спутница. – Все это забавно и интересно. Я, правда, и раньше бывала в Багдаде и Бомбее, но здесь впервые, и

этот Восток очень отличается от Месопотамии и Индии, – внимательно разглядывая ряды, рассказывает дама. – Ведь сюда я приехала не через Багдад или Мохаммеру, а из... – она смеется, – Баку. Да, да, из вашей страны. Я была больше десяти дней в Москве и уж оттуда выехала в Тегеран.

Я не ошибся, это была она. Ее простые правдивые слова несколько успокоили меня.

Журналистка очень красива, ей, наверно, не больше 32–33 лет. Она белокура, чуточку полна, на щеке крохотная, изящная родинка. Кожа ее белая, оттененная золотистой копной волос.

Лейтенант молчалив, учтив и скучен, во всяком случае, кроме двух-трех банальных фраз, он не сказал ничего.

– Так переведите, пожалуйста, что он говорит, – просит дама.

Я перевожу. Она звонко смеется, а ее молчаливый спутник воинственно поводит глазами в сторону продолжающего расхваливать свой товар продавца.

– Я немедленно же запишу эту превосходную фразу, – смеясь говорит дама и, достав маленькую записную книжку, что-то пишет, потом небрежно кладет книжку в боковой карманчик своего тонкого шелкового плаща-накидки.

Мы с трудом выбираемся к одному из выходов на площадь. Здесь дама и ее кавалер благодарят меня, прощаясь со мной. В стороне, у фонтана, стоит небольшой автомобиль. При виде моих спутников шофер дает сигнал и медленно едет навстречу.

– Еще раз благодарю вас, сэр, и уверена, что встретимся вскоре, ведь Тегеран невелик, а европейцев в нем не так уж много. Во всяком случае в четверг от трех до четырех часов дня я дома и буду рада видеть вас у себя, – и она протягивает мне маленькую изящную визитную карточку с приписанным ниже от руки адресом.

Мои неожиданные знакомые уехали. Я иду обратно к базару. Неожиданное исчезновение Сеоева удивляет меня. Всегда такой точный и исполнительный, он

непонятно как затерялся в толпе именно в тот момент, когда был особенно нужен мне.

Я снова вхожу в крытый рынок. Ко мне, запыхавшись, подбегает с радостными, сияющими глазами иранец. Он низко кланяется и, вытаскивая из-под полы своего аба изящную с золотым обрезом и перламутровым тиснением маленькую записную книжку, говорит:

– Саиб серхенг (господин полковник). По милости Аллаха я нашел утерянную ханум вещь и поспешил за вами. Другие люди спрятали бы находку, но я, ага, честный человек и как можно скорее побежал искать вас. – Он улыбается жалкой, просящей улыбкой.

Я беру книжку и, достав пять риалов, отдаю их иранцу.

– Да не уменьшится тень ваша на земле, дорогой саиб, раб ваш всегда будет помнить о щедрости господина, – витиевато, старинной фразой отвечает бедняк и, еще раз поклонившись, исчезает в толпе ротозеев, окруживших и слушающих нас.

Спрятав находку в карман, я иду дальше, и в ту же секунду вижу Сеоева, энергично шагающего навстречу. Великан продирается сквозь толпу пешеходов, словно по дремучему кустарнику. Люди отодвигаются, сторонятся и отступают, пропуская сержанта.

– Куда вы исчезли, Сеоев, я прямо не пойму, как это случилось? – спрашиваю я.

– Надо было, товарищ полковник, – оглядывая прохожих, вполголоса говорит он. – Пойдемте к выходу, мне надо поговорить с вами.

По его тону, быстрым наблюдающим взглядам и строгому, деловому тону голоса я понимаю, что сержант чем-то взволнован.

Первым попавшим переулком мы выходим из-под сводов базара на воздух. Сеоев оглядывается и потом тихо говорит:

– Товарищ полковник, вы знали раньше эту женщину, которая заговорила с вами?

– Нет, а что?

– Почему она обратилась к вам по-английски? О чем она просила вас? – все тем же тоном продолжает сержант.

– Она хотела купить тигровую шкуру у охотников и, не зная персидского языка, случайно обратилась ко мне.

– «Случайно», – повторяет Сеоев. – Товарищ полковник, она лучше меня знает по-фарсидски, и, кроме того, она говорит по-русски не хуже вас.

– Как... и по-русски?

– Точно! Я ее встречал еще три года назад в Багдаде и Мохаммере, а в Тегеране она жила несколько месяцев перед самой войной с немцами. Я ведь работал здесь шофером и отлично знаю всех европейцев, проживавших подолгу в Иране, особенно же красивых женщин...

– Почему особенно?

– Шоферы, товарищ полковник, народ общительный и любопытный. Мы всегда знаем о тех или иных сплетнях, семейных делах, тайнах любого тегеранского купца, вельможи или европейца больше, чем знает он сам, и уж, конечно, больше, чем тегеранская полиция.

– Ну, и что же вы можете сказать об этой даме?

– Пока только то, что она великолепно говорит по-русски. Я потому и спрятался, как только увидел, что она подошла к вам.

– Так вот что, товарищ Сеоев, мы сейчас отправимся домой разными путями. Я поеду на фаэтоне, а вы возвращайтесь немедленно, и мы дома как следует обсудим это открытие.

Сеолев кивнул головой и, отстав от меня, затерялся в шумной толпе. Наняв первого попавшегося «дрожке», я вернулся домой.

Не заходя к генералу, я занялся ознакомлением с так неожиданно попавшей в мои руки записной книжкой.

Обронила ли она ее случайно или все подстроено нарочно? Но для чего? Для того, чтобы я обязательно явился к ней в четверг, привезя эту книжку?

В то же самое время, если Сеолев не ошибается, то эта дама уже не раз бывала в Иране, знает персидский язык и, конечно, не нуждалась в моем посредничестве.

Дальше – она говорит по-русски. Тогда зачем она дважды разыграла комедию со мной, и случаен ли приезд вместе с нами на «Тургеневе»?

Это была красивая изящная книжка с вложенным в нее крохотным карандашиком, отделанным слоновой костью. От книжки исходил запах пудры и дорогих французских духов. Я открыл ее и... остолбенел.

На первой странице тонким женским почерком было написано:

ГЕНРИЭТТА ЯНКОВЕЦКАЯ

Итак, иностранная журналистка, представившаяся мне как «мистрис Эвелина Барк», носила при себе записную книжку, на заглавной странице которой написана почему-то польская фамилия владелицы, Генриэтты Янковецкой, так удивительно похожая на фамилию таинственной Гертруды Янковиц, действующего лица из «дома с привидениями».

Было от чего остолбенеть и, как говорят иранцы, «положив в рот пальцы удивления, сесть на ковер раздумия».

Я снова погрузился в чтение записной книжки госпожи Янковецкой, но так и не нашел ничего, что могло бы разъяснить или же хоть направить на дальнейшие выводы мой ум. Кроме фамилии владелицы на первой странице, все остальные

записи (а их там было немало) и даже последняя были сделаны другим почерком на безукоризненном английском языке.

Ничего особенного не было в записной книжке... Несколько телефонов, несколько английских имен, два арабских изречения и персидская пословица, но они были написаны латинскими буквами и тут же сделан их перевод.

На одиннадцатой странице книжки я нашел коротенькую запись, вероятно, для памяти, сделанную в Москве.

«Посещение Большого театра. „Сусанин“, прекрасная опера, чудный ансамбль».

Возможно, что это было в тот самый вечер, когда и я был там.

Две-три чисто женские строчки о притираниях, мазях и кремах, о каком-то ширазском шелке, адрес тегеранской конторы и стихи, любовная лирика Гете на английском языке завершили записную книжку.

Я выписал в свою деловую тетрадь все найденные в книжке записи в той же последовательности, какая была у владелицы.

Легкий стук вывел меня из раздумья. В комнату вошел генерал, одетый в пижаму, широкие домашние брюки и легкую матерчатую персидскую обувь «геве», очень удобную для ног.

– Где гуляли, Александр Петрович? Я даже позавидовал вам, ведь эти господа просидели у меня около часа и, пока не выпили достаточного количества сода-виски и не рассказали кучу банальных тегеранских сплетен, не удалились. Американец очень сожалел, что вы ушли так быстро, по его словам, у вас «симпатичное лицо» и с вами приятно чокнуться. Ну, что же вы нашли хорошего на знаменитом тегеранском базаре? Ведь этот базар уступает только багдадскому, да еще, может быть, кумскому, хотя кумский меньше, но ввиду окружающих его святынь, духовных школ, старинных мечетей и обилия духовенства более мрачен и специфичен... Вероятно, купили новенький сарух или фальшивую монету времен Дария Гистаспа, ловко сфабрикованную в Керманшахе? Обычно так поступают все новички, впервые попадающие на

тегеранский базар.

– Ни то ни другое! Я нашел более интересное, но, может быть, не менее фальшивое, чем хамаданские монеты жуликов-нумизматов, – и я протянул ему записную книжку «Генриэтты Янковецкой».

Генерал долго и внимательно читал внесенные в нее записи и потом тихо сказал:

– Поясните мне, пожалуйста, что это за книжка и как она попала к вам?

Он молча слушал мой обстоятельный, со всеми подробностями, рассказ о встрече в Баку, возле Парапета, о приятном грудном голосе незнакомки, о совместном переезде через Каспий на пароходе и, наконец, о странной, по-видимому, не случайной встрече и знакомстве с дамой «мистрис Эвелиной Барк» в самой гуще тегеранского базара.

Генерал молчал, его лицо было спокойно, но я, так давно знавший его, понимал, как он глубоко взволнован моим рассказом.

Когда я сказал о том, что Сеолев нарочно скрылся, затерявшись в толпе, генерал коротко, одобрительно сказал:

– Молодец!

Когда я закончил повествование, лист бумаги, лежавший перед генералом, был весь исчерчен чертиками, дамскими головками и кругами. За свою многолетнюю работу с ним я уже знал, что это случалось только тогда, когда генерал бывал особенно насторожен.

– Вы думаете, что Гертруда Янковиц – «Генриэтта Янковецкая» и мистрис Эвелина Барк одно и то же лицо? – в раздумье спросил он.

– Не знаю... – сказал я.

– Как интересно складывается дело, – также задумчиво продолжал генерал. – «Дело с привидениями», начавшееся на Западе, перекинулось... а может быть, и

наоборот, – началось здесь, а перекинулось в район Украины...

Он поднялся с места, прошелся по комнате и вдруг спросил:

– Где Сеоев?

– Должен быть здесь, так как мы уговорились встретиться позже.

– Опросите его. Он может быть нам очень полезен в данном деле.

– Разрешите войти, товарищ генерал? – показываясь в дверях, рявкнул Сеоев.

Мы переглянулись, и улыбка засветилась под усами генерала.

– Входите, сержант. Ну, что скажете хорошего? – спросил он.

– Особенного – ничего, кроме того, что сейчас же после отъезда товарища полковника с базара примчался офицер с кавасов (слуга-переводчик). Они искали потерянную книжку, расспрашивали, не нашел ли кто-нибудь ее, и долго не уезжали с базара. Через базарного будуна (глашатая) они обещали тому, кто найдет и вернет эту книжку, сто риалов...

– По какому адресу? – перебил его генерал.

– Я записал... вот он, – сказал Сеоев. – После их отъезда я справился у будуна.

Офицер сказал, что знатная дама будет у фокусника, и просил нашедшего книжку оставить ее у господина Го Жу-цина, улица Шапура, дом сорок один.

Я поднял голову. Мне показалось, что где-то совсем недавно слышал и этот адрес и эту фамилию... Хотя что общего могло быть между светской дамой и фокусником со странной китайской фамилией?

Я посмотрел адрес, записанный в книжке Эвелины Барк: ул. Посланников, 24.

Этот же адрес назвала она, когда приглашала меня к себе в четверг. И все-таки... несомненно, я где-то слышал и эту странную фамилию «Го Жу-цин».

Сеев вышел. Мы в раздумье сидели, напрягая память.

– Позвольте!.. – вдруг сказал генерал. – Да ведь это тот самый «волшебник», адрес и фамилию которого вы недавно прочли мне в газетах «Дад», «Кейхан» и «Эттелаат»...

И, вынув из стола кипу газет, он достал одну за другой названные газеты.

– Вот они... вот обведенные вами же красным карандашом объявления о «гипнотезере, маге и волшебнике Го Жу-цине»...

Я уже вспомнил все – и мое удивление, и наши улыбки, когда там, в Баку, впервые прочли это курьезное, необычное для нашего глаза, объявление.

– Обратите внимание на странные вещи. Все три газеты поочередно, в последовательном порядке, печатают это объявление... Второе – мистрис Эвелина просит вернуть книжку не на улицу Посланников, а китайскому волшебнику на улице Шапура. Помните, я еще тогда вам сказал, что духи и привидения начнут показывать себя именно здесь, в Иране.

Вот запись о деле о «привидениях», сделанная мною в результате беседы с сержантом Сеевым.

– Расскажите, Сеев, где и как вы познакомились с этой дамой? – спросил я.

– Начну с самого начала, товарищ полковник, – сказал сержант. – В 1940 году, работая шофером в «Ирантрансе», я приехал в Мохаммеру, теперешний Хорремшехр. Днем, когда я шел к порту, на улице возле отеля «Ориент» я увидел красивую даму, которую уже не раз встречал раньше в Тегеране, и около нее человека маленького роста, одетого в белый костюм и пробковый шлем. Они о чем-то возбужденно разговаривали, но так как говорили по-английски, то я ничего не понял. Когда я уже подходил к ним, дама громко по-русски сказала:

– Ни за что!.. Можете быть в этом уверены...

– Вы еще не раз покаетесь в этом! – тоже по-русски ответил ей маленький человек, и в его глазах появилась такая злоба, что я подошел к даме и сказал:

– Извините, может быть я понадоблюсь вам?

То, что я говорю по-русски и слышал их разговор, неприятно поразило обоих, особенно обеспокоило даму. Она сейчас же овладела собой и, улыбнувшись, сказала:

– Даже очень... Я поссорилась с мужем и попрошу вас проводить меня к вокзалу.

Человек в шлеме ухмыльнулся и пошел к отелю.

– Вы русский? – спросила дама.

Я сказал, что я осетин, с Кавказа, что работаю шофером в «Ирантрансе».

– Вы знаете персидский язык? – спросила она.

– Да.

– А английский?

– Нет... только «сенк-ю» да «виски», – сказал я, и дама засмеялась.

– Знаете что, я передумала... Спасибо, что вы так мужественно предложили мне свою помощь, но муж всегда муж, и мне надо помириться с ним. Благодарю вас... – и очень ласково сказала: – А вы видели меня когда-либо раньше?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/muguev_hadzhi-murat/kukla-gospozhi-bark

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)